

АНДРЕЙ
ПОДШИБЯКИН

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

18+

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

*Классический small town horror —
как если бы Стивен Кинг написал
о Ростове 1993-го; но Подшибякин
знает Ростов лучше.*

Андрей Подшибякин

Последний день лета

Серия «РЕШ: страшно интересно»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69760540
ISBN 978-5-17-154650-2

Аннотация

Андрей Подшибякин – выпускник Ростовского госуниверситета и ВГИКа, легендарный колумнист всего важного глянца «нулевых» в диапазоне от «Афиши» и «Esquire» до «Game.EXE» и «ОМ», автор путеводителя «Афиши» по Калифорнии, книг «Время игр!» и «Игрожур»; живёт в Лос-Анджелесе. Права на экранизацию его нового романа «Последний день лета» были приобретены еще до выхода книги; запланирован выход сериала.

Ростов-на-Дону, 1993 год. Тихий южный город, кружевные занавески на окнах и утопающие в зелени дома, простые нравы, «где без спроса ходят в гости, где нет зависти и злости».

Четверо восьмиклассников, еще не знающих, что скоро станут друзьями, ведут обычную для подростков начала девяностых жизнь: учатся, дерутся, влюбляются, изучают карате по фильмам из видеосалонов, охотятся за джинсами-варенками

или зарубежной фантастикой... Их случайно пролитая кровь разбудит – того, кто спит под курганами.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Степь	7
1	10
2	15
3	21
4	25
5	32
6	39
7	47
8	56
9	61
10	66
11	73
Танаис	80
12	81
13	88
14	93
15	98
16	106
17	116
18	123
Танаис	128
19	129
20	133

21	142
22	147
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Андрей Подшибякин

Последний день лета

Художественное оформление – Елизавета Корсакова

Издательство благодарит литературное агентство «Banke, Goumen & Smirnova» за содействие в приобретении прав.

© Подшибякин А. М.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Ростов, тебе.

Санек, Леха, Антон – пацаны, вам.

Степь

854 год до н. э

Лошадь захрипела, всхлипнула и сбилась с шага. Его Алонта – каурая, невысокая, быстрая, с человеческими глазами. Единственное существо, которое он когда-либо любил. Она и Степь были едины. Алонта редко спешила, она шла ровно, плавно. Продолжение его тела, его воли.

Алонта знала погони, была привычна к роли догоняющей – она чувствовала его предвкушение, мчала к крови.

За Алонтой редко гнались. Почти никто из тех, кто за ней гнался, не жил достаточно долго, чтобы рассказать об этом.

Алонта споткнулась, закричала и покатилась по степи, поднимая облако пыли. Еще не встретившись с землей, он понял: ноги лошади сломаны. Алонта еще дышит, но ее больше нет. Лошадь рыдала, пока он перерезал ей горло, сам захлебываясь слезами.

Потом он побежал, не оглядываясь. Позади клубилась пыль. Беспощадное солнце смеялось в зените.

Он бежал.

И бежал.

И бежал.

На горизонте показался столб дыма. Задыхаясь, он раздраженно рыкнул. Массагеты – увешанные золотом варвары, решившие, что Степь принадлежит им. Враги, недостойные жить. Он знал, что силы скоро его покинут. В гаснущем сознании мелькнула мысль – привести то, что наступает ему на пятки, в стойбище массагетов. Слышать крики варваров, переходящие в истерический смех. Утонуть вместе с ними в черноте хохота.

Он не сбавил шага. Даже массагеты не заслуживали того, что дышало ему в затылок.

Он так и не уловил момента, когда начал сходить с ума. Белое солнце в желтом небе. Желтая луна, зовущая его по имени. Он спал на бегу, не останавливаясь ни на минуту, с каждым шагом удаляясь от живых, падая в объятия всепрощающей Степи. Скорпионы и пауки прятались глубже под камни от звука его шагов. Разум дрожал и расслаивался. Из-за спины доносился успокаивающий шепот.

Остановись.

Ты устал.

Закрой глаза.

Отдохни.

Он сделал последний шаг и упал, подавившись криком. Онемевшие ноги. Горящие легкие. Превратившиеся в кровавые обрывки сапоги из телячьей кожи. Он во второй раз в жизни заплакал.

Потом улыбнулся – неспешно, беспечно. Слёзы незаметно высохли. Черты лица разгладились.

Он легко поднялся. С хрустом потянулся, легко подпрыгнул на месте. Закрыл глаза и глубоко, с наслаждением вдохнул. Его тело чувствовало себя отдохнувшим, помолодевшим на двадцать лет.

Его разум молча кричал, пожираемый заживо.

Он хихикнул.

Потом зашелся оглушительным хохотом.

Он поднес руки к лицу и с улыбкой уставился на них, не понимая, что видит перед собой. Подавился взрывом смеха.

Сломал собственную шею одним коротким движением.

Он умер, смеясь.

– Э, сало, сюда подошел!

– Я че-то не понял, еб твою, ты глухой?

– Да не ссы, нам чисто спросить.

Некоторое время назад Пух принял решение: Сиси с Бурым в его мире не существует. Точнее, они, конечно, существовали, и регулярно получали от Пуха всё, что хотели, – карманные деньги, вкладыши, шоколадку или просто несколько минут унижения. Поэтому Пух постановил так: он делает вид, что не слышит свист, возгласы «Э!» и бесчисленные вариации слов «жиробас», «мясокомбинат» и «свинина», но под угрозой физической расправы вынужденно растается со своей собственностью. Когда отец Пуха, профессор Худородов, спрашивал, как прошел день, Аркаша никогда не упоминал районных гопников – во-первых, это было недостойно джентльмена, а во-вторых, он немного боялся за папу. Что тот мог поделаться со здоровыми дылдами?.. Как говорится, меньше знаешь – крепче спишь.

– Блять, мне че, гоняться за тобой?!

Бурый и Сися стояли в тени арки, ведущей во двор Немецкого дома – считалось, что вскоре после войны его построили пленные фашисты. Неясно было, правда это или нет, но Немецкий дом никак иначе на районе не называли. Сися был повыше, Бурый пожирнее – крупные для шестнадца-

тилетних, неуловимо напоминающие питбулей, одетые в полужняковые спортивные костюмы «Adidas» (любую другую марку спортивной одежды носили либо додики, либо, ха-ха, спортсмены). Сися грыз семечки, зачерпывая их из кармана олимпийки.

Пух, изо всех сил старавшийся не смотреть в сторону своих мучителей, по ленивому тону понял, что те задирают его просто так, от скуки. Может, если вести себя осторожно, они отстанут? История знала такие случаи.

– Э, сюда подошел, – повторил Сися. «Сюда» он произносил как «суда» – это был особый районный шик. – Семян хочешь?

– Че?! Да пошел он нахуй, – взвился Бурый. – Самим мало.

– Тихо, братух, он нормальный пацан. Щас подогреем его. Бурый захлопал было глазами, но быстро сообразил, что Сися затевает какую-то шутку. Он ненатурально заулыбался и сделал в сторону Пуха поощрительный жест. Аркаша замедлил шаг. Происходило что-то непонятное: никаких семечек ему раньше никто не предлагал, и ничем хорошим это закончиться не могло. Он прикинул шансы сбежать: школа была совсем рядом, ее желтоватое здание уже виднелось за чахлыми тополями, обрамляющими Буденновский проспект, и, теоретически, он мог... Пух вздохнул. Он реалистично оценивал свою комплекцию и понимал, что далеко не убежит. Поэтому оставалась единственная опция: подойти и взять

проклятые семечки, которые он терпеть не мог. Как говорил его отец, ситуация выбора изначально была иллюзорной.

– О, нормально, – преувеличенно обрадовался Сися. – Давай пэтэху, сыпану.

Аркаша понимал районный пацанский язык через два слова на третье, но интонация и мимика не оставляли сомнений: старшие пацаны действительно собирались отсыпать ему семечек. Точнее, конечно, не собирались, а задумывали какую-то гнусность – вон как на периферии зрения корчился Бурый в пароксизмах едва сдерживаемого смеха. Пух вздохнул и протянул ладонь.

– Ровно держи, епта.

Сися запустил руку в карман куртки, после чего издал хриплый булькающий звук и харкнул Аркаше в протянутую ладонь сгустком зеленоватой слизи. Его приятель взвыл.

– Заебись семки? Еще будешь?

– Братан, видел его ёбач?! Я не могу...

Пух затрясся от обиды и отвращения и дернулся было вытереть руку о штанину, но в последний момент нагнулся и схватил из клумбы пучок желтых кленовых листьев. Они прилипали к пальцам; харчок размазывался и отказывался оттираться. Старшаки хватались друг за друга, сотрясаемые хохотом.

– Слышь, свинота, че надо сказать, когда пацаны тебе вкуснячку подгоняют? – вдруг гулко сказал Сися. Он больше не смеялся.

Пух стиснул зубы и с ненавистью уставился на своего мучителя.

– Я не по-о-онял, – с наигранным удивлением протянул отсмеявшийся Бурый. – Ты че, оглох, мудила?

– Не буду, – Пух впервые за последние несколько минут заговорил. Тихо, испуганно, сквозь зубы – но недвусмысленно.

– Нет, будешь, – спокойно сказал Сися, но на виске у него задергалась вена. – А то я тебя покалечу.

Бурый осторожно покосился на товарища.

– Слышь, Сисян, да хуй с ним, че с лохом рамсы катать...

– Завали.

Бурый испуганно заткнулся – он знал, что бывает, когда братана начинает вот так потряхивать.

– Ты, лошара, должен знать, – продолжал Сися, глядя в глаза парализованной ужасом жертве, – как с дядей надо разговаривать. Говори спасибо, а то я тебе лицо оторву.

Пух, ненавидя себя, своих мучителей, свою жизнь в целом и это конкретное ее утро в частности, выдавил:

– Спасибо...

Из Сиси как будто разом выкачали воздух. Он прикрыл глаза и вяло махнул рукой:

– Пиздуй отсюда.

Они с Бурым моментально потеряли интерес к жертве и возобновили прерванную беседу о новом боевике с Ван Даммом «Универсальный солдат» – теперь уже Аркаша не су-

ществовал в их мире, а не наоборот. Пух наконец отмер, отшвырнул в сторону листья и побежал – мимо серого Немецкого дома, мимо красной военной части, мимо белого памятника молодому Ленину по направлению к желтой школе № 43 имени В. И. Невского, что на углу Буденновского проспекта и проулка с нелепым вычурным названием «улица Греческого города Волос».

Ольга Васильевна, пожилая учительница истории, фланировала между партами, наряженная в свой обычный вязаный свитер неопределенно-зеленого цвета, несмотря на южную сентябрьскую жару. Восьмой «А» историчку не особо любил, но и ненавидеть ее было не за что – тем более что весь объем концентрированной детской ненависти был направлен на жирную завучиху по воспитательной работе Наталью Олеговну и натуральную садистку, химичку Ольгу Валерьевну. Из всего спектра возможных эмоций историчке доставалось снисходительное равнодушие.

– ...Танаис был одним из крупнейших и важнейших торговых и культурных центров Приазовья. Город был основан греками ориентировочно за триста лет до нашей эры на правом берегу реки, известной нам сегодня, ребята, как?..

Пух, которого всё еще душила ненависть, хмуро слушал равномерный гул Васильевны. Историю он любил – в основном из-за того, что все войны, завоевания и прочие волнения остались в прошлом, где им самое место. На сегодняшний момент у истории был счастливый конец: человеческая цивилизация умудрилась не погибнуть в мировых войнах, родители родителей его родителей благополучно родились и прожили достаточно долго для того, чтобы генеалогическое древо семьи Худородовых принесло плод в виде него, Арка-

ши, более известного как Пух. «Точнее, как Жиртрест», – поправил писклявый внутренний голос, по кругу переживавший недавнее унижение и мешающий сосредоточиться на истории родного края.

Пух нервно зевнул. Позднее утро сменилось ранним сентябрьским днем – нехарактерно жарким даже для почти субтропического Ростова-на-Дону. Класс будто закутали в невидимое душное одеяло; даже самые отъявленные возмутители спокойствия молча потели за своими партами. Аркаша вспомнил, как в позатом году родители возили его на выходные в Санкт-Петербург – посетить, как выражался профессор Худородов, «колыбель революции». Колыбель запомнилась Аркаше пронизывающим ледяным холодом, висящим прямо над головой черным небом и световым днем, длившимся минут пятнадцать. Пух рефлекторно поежился. Лучше уж потеть!

Историчка прошла мимо его парты, сделала еще несколько шагов и остановилась напротив Крюгера – лучшего (и единственного) друга Пуха, фамилия которого была вовсе не Крюгер. Ольга Васильевна, как это было у нее заведено, цепко взяла Крюгера за плечо – увидев это, Пух сжался в предчувствии неизбежного.

– Сегодняшнее название реки, на которой был возведен Танаис, скажет нам... – она выдержала паузу и уставилась на Крюгера, словно впервые его увидев. – Может быть, ты, Витя?

– А че сразу Витя?! – Крюгер вскочил на ноги, выдравшись из учительской хватки.

В классе захихикали; кто-то преувеличенно громко охнул. Ну, поехали, подумал Пух. Историчка, впрочем, улыбнулась:

– А потому, Витя, что ты должен знать историю родного края. Ну же! Не тушуйся!

Крюгер хотел сказать какую-то гадость, но вдруг замер, что-то вспомнил и нехотя шевельнул губами.

– Погромче, Витя! Ребятам не слышно!

– Донец! – рявкнул Крюгер.

Ольга Васильевна поправила:

– Не просто Донец, а Мертвый Донец.

Как по сигналу, в воздух взметнулась рука Юльки Селиверстовой – будущей медалистки, как называли ее учителя, и дуры носатой, как называли ее одноклассники. Историчка благосклонно кивнула, разрешая говорить. Селиверстова вскочила:

– Ольга Васильевна, а почему он Мертвый?

– По всей вероятности, речка в какой-то момент пересохла... Или нет! Какая разница! Это не имеет отношения к теме сегодняшнего урока! Сели оба!

Пух вяло удивился злобному тону исторички, уже возобновившей свой бубнеж про культурный центр Приазовья, но быстро отвлекся на галерку, где происходили какие-то телодвижения. Аркаша аккуратно покосился в сторону пред-

последней парты, за которой сидел новенький по прозвищу Новенький – прямая спина, ничего не выражающее бледное лицо с прыщом на подбородке. Как его там?.. Вроде Степан. Точно: Степан Петренко! Или Романенко – Пух сложно запоминал нейтральные фамилии. В общем, Новенький. Он был странный: ни с кем не общался, постоянно молчал, был одет в какие-то обноски неопределенного цвета. Шпанистые одноклассники и пацаны постарше поначалу пытались его драконить, но это им быстро надоело – на унижения и даже побои Новый не реагировал вообще никак. А в чем, спрашивается, удовольствие от мучения жертвы, если она даже не пытается огрызаться?..

Иного мнения на этот счет придерживался только обитатель последней парты Сережа Питон – длинный соплеобразный мальчик, постоянно шмыгавший носом. Питон был парией другого рода – его не трогали больше из омерзения. Зато он трогал всех.

– Слышь, притырок, – прошипел он в спину Новенького, предварительно убедившись, что Ольга Васильевна находится на другом конце класса.

«Только не ведись, только не ведись», – в голове у Пуха крутилось заклинание-оберег.

Степан продолжал сидеть, глядя прямо перед собой.

Питон ткнул его в спину острием шариковой ручки.

«Просто притворись, что его нет, – мысленно кричал Пух. – Нет, и всё! Он тебе просто мерещится!»

– Что тебе надо? – полушепотом сказал себе за спину Новый, очевидно не обладавший даром телепатии.

Глаза Питона торжествующе вспыхнули.

– Чтоб ты сдох, как тот Донец!

Шутка была так себе, но вокруг захихикали. Историчка подкинулась:

– Чупров! Как ты ведешь себя на уроке?!

Питон, ожидавший именно такой реакции, как по сигналу заскулил плаксивым голосом:

– А я ничего, Ольга Васильевна!.. Это всё Степа, он меня обижает матными словами! Скажите ему!..

– Оба замолчали! Тишина в классе!.. На чем я остановилась? Ах да: античные географы считали Танаис границей между Европой и Азией. В 237 году до нашей эры город был полностью уничтожен, но...

Прозвенел звонок. Восьмой «А» вскочил и засуетился, не обращая внимания на традиционные причитания Ольги Васильевны о том, что звонок звенит для учителя; все прекрасно знали, что для какого-нибудь другого учителя он, может быть, и звенит, но для этого конкретного – точно нет. В дверях Пух запнулся и покосился на Новенького – тот по-прежнему неподвижно сидел за партой, глядя в пустоту. Аркаше вдруг захотелось кивнуть или помахать странному мальчику рукой; привлечь его внимание, чтобы... Чтобы что, Пух не знал.

– Пух, не тупи! – проорал из коридора Крюгер. – Сюда

иди.

Что Аркаша и сделал.

На пути из школы Крюгера по обыкновению раздирала хаотичная энергия – он носился кругами вокруг Пуха, гримасничал, распинывал кучи опавших листьев и размахивал своим коричневым «дипломатом». Южное солнце отбрасывало зайчики от его очков.

– Короче, Пухан, понял, этот пацан, ты его не знаешь, с Батайска, так вот, короче, у него, ну, как у него – у его родков, есть видак. Не параша там какая-нибудь, как «Электроника ВМ-12», а, понял, реальная тема, японский видак, «Funai». И, короче, понял, он меня позвал в гости, и...

– Как, ты говоришь, его зовут? – спросил Аркаша.

– Кого?!

– Друга твоего.

– А. Э-э-э... Алёша! Алёша его зовут, но это без разницы, понял, ты по ходу его не знаешь всё равно. Короче, прихожу я к нему домой, а он такой – выбирай любую кассету, сейчас видик смотреть будем. А у него там, короче, огромный, не знаю как сказать, шкаф, не шкаф, такой стеллаж, и там одни кассеты! И мультики, и боевики, и комедии, и где ебутся, – и все на нулячих кассетах. Там, короче, все кассеты у него есть, вообще все, понял.

– Витя, по-моему, ты преувеличиваешь, – аккуратно заметил Пух. – Не может у человека быть вообще всех видео-

кассет.

Крюгер, разумеется, моментально взвился.

– Да ты погнал?! Когда я тебе гнал?!

– Ну, ты не врешь на самом деле, просто иногда, ну, фантазируешь.

– Ой, да пошел ты в сраку, – бешено заблестел очками Крюгер. – Ничего тебе не расскажу больше, понял.

Он громко плюнул Пуху под ноги, развернулся и быстро зашагал вперед, не оглядываясь. Привычный к таким вещам Аркаша вздохнул и неспешно пошел следом. Через несколько секунд Крюгер оглянулся и заорал:

– У него даже «Звездные войны» есть, понял! Все серии! С первой по пятнадцатую! Я их все видел, понял! Охеренные!

Пух молча улыбнулся. Его друг проорал что-то еще, рванул вперед, скрылся за углом, что у винно-водочного магазина, потом как ни в чем не бывало вырулил из-за этого же угла и неспешно поравнялся с Аркашей. Он вел себя так, словно не кричал на всю улицу несколько секунд назад.

– Короче, этот новенький, по ходу, задрот.

– Витя, он давно уже не новенький, его к нам перевели, по-моему, больше года назад.

– Да похрен, новенький всегда новенький.

Пух, не согласный с такой логикой, поморщился и инстинктивно покосился в сторону арки Немецкого дома – они проходили мимо ареала обитания Сиси. В арке и вокруг нее,

впрочем, никого не было.

– И никакой он, кстати, не задрот, – продолжил Аркаша. – Он просто, ну, другой.

– То есть задрот, – заключил Крюгер уже снова спокойным голосом. – Ой, ладно, проехали. Слушай, Пуханыч, я у тебя отвисну на пару часов?

Аркаша сразу всё понял.

– Что, опять?..

Крюгер, явно не настроенный вдаваться в подробности, мрачно кивнул и добавил:

– Только телевизор у тебя, понял, говно, а «Денди» вообще нет, как вы так живете вообще?

– У меня зато книг много!

– Книги твои тоже скучное говно! Но мы можем в точки поиграть, или, если будешь хорошо себя вести, расскажу тебе про «Звездные войны», там, короче, в последних сериях такое!..

Пух помотал головой. Они остановились на перекрестке Буденновского и улицы со смешным названием Черепяхина.

– Витя, я бы с удовольствием, но у меня там, ну, семейные дела, так что... Может, через час-полтора... Ты заходи, я всегда рад...

– Задрот, – констатировал Крюгер. – Ладно, короче, завтра в школе увидимся.

Разом растерявший всю свою энергию Витя побрел по улице Черепяхина, на которой он жил.

– Точно всё нормально? – крикнул вслед Пух.

Крюгер молча отмахнулся, подождал, пока Аркаша скроется из виду, после чего развернулся и пошел обратно в сторону школы.

Пуху с Крюгером достаточно было пройти пару сотен метров по Буденновскому проспекту, чтобы попасть из школы домой; маршрут Новенького был гораздо более сложным – чтобы не сказать опасным.

Он жил в Новом поселении; эту часть города в Ростове называли «Нахаловка», «Шанхай» или просто «ебеня». Всего в нескольких кварталах от центра располагался лабиринт кривых улочек, покосившихся заборов и самовольной застройки; здесь пахло собачьим (и человеческим) говном, жареным мясом и горелой листвой; здесь даже среди бела дня легко можно было лишиться здоровья, чести или жизни – или всего сразу. На Нахаловке бок о бок жили нищие и кооператоры-миллионеры – ни первым, ни вторым не нужны были лишние вопросы от милиции и конкурентов. Здесь варили джинсы, чтобы они стали мягче и покрылись модными разводами, и разливали палёнку; сюда легко было войти и намного сложнее выйти; здесь даже милиция опасалась появляться после захода солнца. Фавелы посреди города, где никто не знал слова «фавелы».

Степа свернул с Буденновского за обувной фабрикой, прошел два квартала по улице Текучева и нырнул в неприметный проулок под сень желтых тополей. Он давно уже научился навигации в дебрях Шанхая: за этим забором нуж-

но было свернуть налево, потом пересечь пыльный безлюдный переулок, потом срезать через чей-то двор, постаравшись при этом не разбудить ротвейлера со взглядом убийцы, потом...

Двое жилистых мужчин в спортивных штанах, майках-алкоголичках и тюремных татуировках проводили его взглядами ротвейлеров.

– Это че за хуй? – спросил один, затягиваясь сигаретой «Петр I». По укоренившейся привычке он держал курево внутри сложенной лодочкой ладони: чтобы конвой не заметил огонек.

– Слышь, не киксуй, это с района, – лениво ответил второй.

– Откуда с района? – не унимался первый.

– Погорельцы, – непонятно сказал второй.

Оба замолчали. Погруженный в свои мысли Степа прошел мимо, не обращая на обитателей Нахаловки внимания. Его никогда не трогали даже самые отмороженные и самые лютые аборигены – и дело было вовсе не в территориальном трайбализме (все знали на районе всех); нет, просто над Новеньким словно висело невидимое черное облако горя – и оно было заразным, готовым окутать любого, кто приблизится, а дети, собаки и профессиональные преступники лучше всех чувствуют такие вещи.

Степа на автопилоте свернул на свою улицу – ну, как улицу: кривой переулок, названия которого никто в округе

вспомнить не мог. Если бы кому-то понадобилось отправить Новенькому или его соседям письмо, им нужно было бы написать на конверте «5-я линия». Никто, правда, давно не писал сюда писем.

Показался уродливый, но зато двухэтажный дом Толи Быка – днем кооператора, а вечером цеховика, сделавшего небольшое состояние на оптовых продажах разбавленного технического спирта и «мáвинов». Так называли вареные джинсы – на их задних карманах разноцветными нитками было вышито непонятное, но красивое слово «Mavin». Со временем нахаловские подпольные цеха разнообразили модельный ряд и поменяли «Mavin» сначала на «Malvin», потом на «Marvin», а потом – на что еще хватило фантазии. Паленые «левайсы» на ростовских вещевых рынках при этом покупали гораздо хуже, чем откровенно адские «мавины», даже за те же деньги. Объяснения этому феномену не было, но Бык над такими вещами и не парился.

В это время года и суток цеховик обычно пасся у ворот своего монструозного жилища, пил пиво из стеклянной кружки и тер со своими мутноватыми приятелями, но сегодня 5-я линия была безлюдна. Зато над ней разливался ор Людки, жены Быка, – то есть было очевидно, чем занимаются соседи. Бычиха (так, естественно, все называли Людку) была женщиной крупной, шумной и державшей мужа в черном теле; когда она орала, он понуро молчал до наступления точки кипения – а после начинал молча бить посуду и коло-

тить в стены кулаками.

Степан давно уже подсознательно фильтровал все эти страсти – так люди, живущие у железнодорожных путей, через какое-то время перестают слышать звук проносящихся поездов. Но дело было не только в привычности фона: черное облако не давало Новенькому сосредоточиться на чем-то, кроме самого облака. После того, что случилось с его родителями, разум Степана сжался до крохотной, почти неразличимой точки – в нее помещались только он сам и слепая Баба Галя. Ах да – и Машка. Кошка его мамы.

Вокруг их дома не было забора; сам дом, почерневший и покосившийся, выглядел так, словно недавно пережил страшный пожар – дом и правда его перенес, только довольно давно. Ремонтировать его было некому и не на что.

Степа открыл скрипящую дверь, сощурился на темноту внутри, зашел в дом и не глядя бросил пакет с тетрадями и учебниками на пол – рюкзака, а тем более моднейшего «дипломата», у него не было. Машка приветственно мяукнула, подошла и выгнула спинку, потеревшись о его колени. Степа погладил ее впалый белый бок.

– Степа, это ты? – донесся из тьмы голос Бабы Гали.

Окна были заколочены еще с пожара, пригодной для жилья была единственная комната – в ней они ели, спали и готовили на крохотной электрической плите нехитрую еду.

– Я, бабуль.

– Почему ты так поздно?

Было совсем не поздно, и Степа из школы пришел прямым домой, – но время любило подшутить над Бабой Галей. Оно то скакало галопом, то останавливалось на несколько недель, а то и поворачивало вспять. Степа всё это знал. Знал он и то, что Бабе Гале нужно что-то ответить – иначе она расстроится и надолго замолчит, блестя слезами в невидящих глазах.

– Да мы, ба, с ребятами в футбол играли, – сказал он, зажигая настольную лампу. – Я от них прямым домой!

– Так ты же голодный теперь, Степочка!

Новенькому совершенно не хотелось есть – при этом он не помнил, что и когда ел в последний раз. Он подошел к плите, заглянул в кастрюлю со вчерашней гречкой и вздохнул – ее осталось несколько ложек. Преувеличенно бодрым тоном Степа отрапортовал:

– Да нет, бабуль, я в школе пообедал! И еще меня друзья бутербродами с сыром угостили! Давай я тебе гречку погрею? Ты голодная?

– Нет, я... Я не помню, Степочка, – тихо сказала бабушка.

– Значит, голодная! – заключил Новенький. – Пять минут – и всё готово!

– Покорми Машку. Я сегодня не очень хорошо себя чувствую.

Степа тихо вздохнул. Он прекрасно понимал, что на самом деле означают слова Бабы Гали, – она ослабела настолько, что не могла встать с кровати. В последнее время это слу-

чалось с ней всё чаще, и что делать, он не знал – когда речь заходила о докторе, бабушка только вяло отмахивалась.

– Степочка, можно тебя кое о чем попросить?

Он возился с непослушной конфоркой, пытаясь настроить температуру так, чтобы не спалить последнюю кашу. Нужно было найти еще какие-нибудь домашние дела, чтобы не думать о...

– Степа?

– Ой, да, ба, конечно! Проси о чем хочешь!

– Когда я умру, присмотришь за Машкой? Она тоже старенькая уже. Не задержится после меня надолго.

Бабушка несколько раз быстро моргнула, стараясь не заплакать. Степа сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони, – хотелось выть, кричать, кататься по полу. Его голос тем не менее прозвучал ровно:

– Бабуль, не говори глупости! Вот, смотри, уже и каша голова! Давай-ка садись, сейчас я тебе тарелку дам.

– Степочка, а где Танюша? Она тоже припозднилась? Надо ей каши оставить!

Невидимая рука сомкнулась у Новенького на горле.

– Она... Да, она... Припозднилась.

Он больше не мог этого выносить. Только не сегодня. Только не сейчас. Он всё понимал, он старался быть сильным, но больше не мог.

– Ты еепустишь? Вечно ключи забывает, дуреха!

– Впущу, ба.

Он готов был в голос заорать, перекрывая вопли Бычихи, раздающиеся над 5-й линией. Вместо этого Степа передал бабушке треснутую тарелку с последней оставшейся у них чуть теплой гречневой кашей.

– Держи.

– А масло у нас осталось? Таня любит, чтобы масла побольше.

Масла у них не было настолько давно, что Степан успел забыть, какое оно на вкус.

– Масла нет, ба, но ты не переживай, я до магазина сгоняю и принесу. Не волнуйся!

У них не было денег на масло. У них не было холодильника, чтобы хранить там масло. У них не было денег ни на что, кроме гречки, картошки и хлеба.

Баба Галя всхлипнула.

– Ты такой хороший мальчик, Степочка. Таня не зря тобой гордится!

Таней звали его мертвую маму.

Пух зашел в пропахший сигаретами и ссакой лифт, аккуратно нажал на прожевленную чьей-то зажигалкой пластмассовую кнопку с цифрой 4 и в нетерпении затопал ногой – скрипучий зловонный лифт его раздражал, но идти на четвертый этаж пешком дураков не было. Под «семейными делами», которыми он отмазался от Крюгера, скрывались ежедневные уроки игры на пианино – Пух их ненавидел, но родители были тверды в своем убеждении: по-настоящему культурный человек неотделим от умения музицировать на фортепиано. С этим следовало быть предельно осторожным: если бы Крюгер прознал о его ежедневной повинности, то непременно страшно бы засмеялся и сказал, что пианино – это забава для баб и лохов. Аркаша, по правде говоря, и сам склонялся к этому мнению – просто не знал, как деликатно донести эту мысль до родителей. И боялся представить, что с ним будет, если он эту мысль до них донесет.

В довершение ко всему, у Пуха абсолютно не было слуха и, как следствие, музыкального таланта: после трех лет мучений он едва мог с горем пополам сыграть вступление из «Лебединого озера» Чайковского – как говорила мама Аркаши, одного из самых простых в исполнении классических произведений. «Ага, блин, простых», – злобно думал Пух.

Дома пахло как надо: его любимыми вареными сосисками.

ми с пюре и зеленым горошком. На подсознательном уровне Пух понимал, что мама догадывается о его отношении к урокам фортепиано – и по мере сил старается подсластить эту, так сказать, пилюлю.

Ел он медленно, стараясь оттянуть неизбежный момент начала «семейных дел», но остатки настроения всё равно испортились еще до конца первой сосиски. Софья Николаевна Худородова, одетая в вырвиглазный оранжевый халат с попугаями, сидела с ним за столом с чашкой чая – очень слабого, почти прозрачного («вредно для сердца»), с тончайшим ломтиком лимона («в нынешних лимонах одна корка») и двумя ложками сахара («полезно для мозга»).

– Что сегодня было в школе, Аркаша?

– Да всё как обычно, мам.

Пух, разумеется, не собирался расстраивать маму тем, как на самом деле прошел его день в школе и особенно за ее пределами.

– Что ты интересного выучил?

Давно привычный к ежедневному ритуалу, Пух заготовил подходящий убедительный ответ заранее.

– Ой, мам, на истории было интересно! Ольга Васильевна рассказывала про древний город Танаис, который считался границей между Азией и Европой, представляешь?! И он тут рядом, от нас недалеко! То есть его давно разрушили, но потом на его месте...

Пух заметил, что внимание мамы рассеивается, и решил

попытать счастья.

– Мам, я так на физре устал... Может, пианино на завтра отложим?

Софья Николаевна моментально вернулась в реальность и осуществила лазерное наведение на цель.

– Не пианино, а фортепиано. И у тебя сегодня не было физкультуры, Аркадий.

Это был провал.

– Откуда ты знаешь? – задал Аркаша риторический вопрос.

– Потому что я знаю твоё расписание уроков намного лучше, чем ты сам. Ты закончил с обедом, сын? Не трати время, нас ждёт прекрасная, великая классическая музыка!

«Сраное “Лебединое озеро”...» – сокрушенно подумал Пух. Аппетит пропал; он сгреб остатки пюре и горошка в мусорное ведро, сгрузил тарелки в раковину и поплелся в комнату, которую родители называли гостиной, – переполненные книжные полки, заваленный книгами журнальный столик, телевизор (вокруг которого лежали книги) и, конечно, ненавистный музыкальный инструмент (на нём ничего лишнего никогда не лежало).

Сегодняшней пыткой была «К Элизе». Пух со вздохами и страданиями продирался через ноты, пять (а казалось, что пятьсот) раз начинал заново и строил планы убежать из дома, чтобы вступить во Французский легион, – он читал, что туда берут всех без разбора. Конечно, существовал момент

физической подготовки, но дело это было наживное – не собирается же он бежать прямо вот сейчас. План надо было хорошенько обдумать!..

Софья Николаевна со вздохом сказала:

– Не знаю, может быть, лучше перейти к «Лунной сонате»...

В прихожей зазвонил телефон.

Аркаша наострил уши. Это было необычно – все, кто мог позвонить маме, знали, что по будним дням после обеда у нее «важные семейные дела»; его единственный друг Витя Крюгер ненавидел телефонные разговоры; папа был занят на своем факультете и никогда не звонил в неурочное время, если только речь не шла о чрезвычайном происшествии. Может, ошиблись номером?

Телефон продолжал звонить.

Софья Николаевна нахмурилась и пошла в прихожую, где на тумбочке стоял бежевый дисковый телефон. Пух прислушался.

– Алло?... Натан, это ты?!

Натаном звали его отца (то есть, ко всему прочему, Аркаша был еще и Аркадием Натановичем – к счастью, одноклассники этой детали не знали).

– Что значит «включи телевизор»?! Ты прекрасно знаешь, что в это время Аркаша разучивает... А... Ох. Хорошо. Хорошо.

Она хотела что-то добавить, но услышала короткие гудки

– ее муж, тишайший профессор истфака РГУ Натан Худородов, раздраженно бросил трубку.

Вот теперь Пух по-настоящему испугался. Папа никогда не повышал на маму голоса (а из трубки явно доносились крики) и уж точно никогда не прерывал телефонного разговора, не попрощавшись. Значит, случилось всамделишное чрезвычайное происшествие!

Пока Софья Николаевна включала телевизор и ждала, когда прогреется кинескоп и из серой мути выплывет изображение, Аркаша лихорадочно перебирал варианты. О чем важном среди дня могут объявлять по телевизору? Наверное, американцы всё же запустили свои ядерные ракеты. В детстве Пух очень боялся передачи «Международная панорама» (и всегда под каким-нибудь предлогом уходил в свою комнату, когда она начиналась) – там ведущий по фамилии Сейфуль-Мулюков показывал фотографии творимых американцами ядерных испытаний: жуткие грибы высотой с десятиэтажный дом вырастали из земли, из воды, а иногда и прямо из воздуха. Следом за ними, если верить ведущему, должна была наступить ядерная зима. Сейчас Пух Сейфуль-Мулюкова уже не боялся, но прекрасно понимал: если американцы осуществили задуманное, то прятаться бесполезно. Баллистическая ракета из какого-нибудь Техаса долетит до их дома гораздо быстрее, чем они с мамой успеют послушать последний в их жизни выпуск новостей. Мысли путались и цеплялись друг за друга. А может быть, еще и не ракеты?..

Вдруг опять кто-нибудь умер? Он не помнил, как умер генеральный секретарь товарищ Брежнев, зато смутно помнил, как папу отпустили с работы из-за смерти генерального секретаря товарища Андропова, а потом снова отпустили из-за смерти генерального секретаря товарища Черненко, и как на Андропове папа был объяснимо мрачен, а на Черненко уже необъяснимо и злобно весел, а потом...

Телевизор наконец окончательно включился – и показал озабоченного диктора на фоне надписи «СРОЧНЫЕ НОВОСТИ». Пух с мамой затаили дыхание – кажется, она тоже с минуты на минуту ожидала наступления апокалипсиса.

«Только не ядерная зима, только не ядерная зима, только не ядерная зима», – зажмурившись, Пух гонял по кругу единственное пришедшее в его голову заклинание.

– ...президент Борис Ельцин подписал указ «О поэтапной конституционной реформе Российской Федерации», предписывающий немедленное прекращение деятельности Съезда народных депутатов и Верховного совета Российской Федерации...

– Да что он о себе возомнил?! – взревела очнувшаяся Софья Николаевна.

Пух выдохнул и быстро протер глаза ладонями. Это была, пользуясь чеканным определением Крюгера, типичная Взрослая Хреновня, которую его родители необъяснимым образом принимали очень близко к сердцу. Главное, что не ядерная зима!.. Тут Пуха осенило.

– Так что, мам, теперь «Лунную сонату»? – сказал он невинным голосом. – У меня в прошлый раз почти получилось!

Софья Николаевна молча махнула рукой – всё ее внимание было занято бубнежом диктора.

– Достаточно на сегодня, Аркаша. Ты молодец. Иди делай уроки.

«Ага, конечно, уроки...» – думал Пух, вприпрыжку врываясь в свою комнату. У него была припасена новая книга: продолжение фантастической саги Гарри Гаррисона под названием «Стальная крыса спасает мир». Вне всякого сомнения, Гарри Гаррисон был величайшим писателем всех времен и народов, а его серия романов о галактическом мошеннике Джеймсе Боливаре ди Гризе – с большим отрывом лучшим, что Аркаша Худородов прочитал в жизни (а он много в жизни успел прочитать). Пух давно решил, что, когда вырастет, обязательно станет писателем-фантастом – а если это окажется слишком сложным, то тогда космическим авантюристом. Одно из двух. Никаких других вариантов будущей карьеры Аркаша не рассматривал.

– Спасибо Борису Николаевичу Ельцину за Взрослую Хреновню! – шепнул Пух, плюхнулся на кровать и раскрыл «Стальную крысу» на заложенной странице.

Большую часть урока химии на следующий день Сережа Питон провел в попытках довести Новенького. От шуток Питона не был застрахован никто. Даже самые безупречные отличники. Даже самые отмороженные старшеклассники. Нет, придурка надо было додавить!

Причину собственного упорства в этой сфере он не мог объяснить даже самому себе, хотя и не то что бы сильно пытался. Если шутка не совсем попадала в цель и просто приводила жертву в бешенство – такой исход Питона вполне устраивал. Но идеальный сценарий – когда шутка била в интуитивно нащупанное Сережей уязвимое место, и жертва бледнела, иногда начинала рыдать, реже – просто замирала и смотрела в пространство перед собой мертвыми, как пуговицы, глазами. Внутри Питона в эти моменты что-то трепетало и попискивало, как маленькая птичка, когда вокруг нее сжимается кулак.

Он покосился на Новенького; тот по своему обыкновению сидел с прямой спиной, глядя в невидимую точку над головой Ольги Валерьевны. Соблазн придвинуться к придурку поближе и пошутить был непреодолимым, хоть Питон и знал: шутки в присутствии химички всегда заканчивались плохо. По слухам, в прошлом году Валерьевна со всей дури херакнула деревянной указкой по голове какому-то овцу

из восьмого класса... Но ради по-настоящему смешной шутки Сережа был готов выхватить хоть указкой, хоть осколком кирпича, хоть самой настоящей бейсбольной битой из магазина «Real» (такие случаи тоже были).

Тут Сережа кое-что придумал. Он шумно втянул соплю, выдрал из уже изрядно похудевшей общей тетради листок, что-то быстро на нем нацарапал левой рукой, перегнулся через парту и бросил листок Новенькому на колени. Степан не пошевелился. «Засранец», – подумал Питон. Ничего-ничего! И не таких ломали!

– Слышь, Новый, – прошипел он. – Зырь записку!

Вместо ответа тот молча смахнул бумажку с колен на пол – то есть всё шло в полном соответствии с планом. Рискованным, но потенциально крайне эффективным планом. Питон вскинул руку и нетерпеливо затряс ей в воздухе.

– Ольга Валерьевна! Ольга Валерьевна-а-а!

Невысокая худая химичка, напоминавшая хищного лесного зверька, на полуслове прервала свой монолог о валентности водорода, прищурилась и посмотрела на Питона сквозь узкие очки. На ее щеках начал разгораться нехороший румянец. Класс, и без того знавший, что на химии лучше не выделяться, затаил дыхание.

В наступившей гробовой тишине Ольга Валерьевна подошла к отличнице Юльке Селиверстовой, сидевшей за первой партой, и, не обращая внимания на Питона, положила ей руку на плечо.

– Селиверстова, какое важное правило поведения на уроке забыл Сережа Чупров?

– Правило такое, – заблеяла Юлька. – В классе полная тишина до тех пор, пока учитель не задаст вопрос.

– Совершенно верно, – ее внимание переключилось на Питона. – Я надеюсь, Чупров, – для твоего же блага! – что ты поделишься с нами какой-либо важной информацией. Внимательно слушаю.

Питон с грохотом отодвинул стул, встал и заговорил писклявым заискивающим голосом:

– Ольга Валерьевна, я просто хотел сказать, что Новенький, ну, то есть, что Петренко кому-то писал записку, а вы говорили, что на уроке нельзя писать записки, и поэтому я... – Питон оглушительно шмыгнул носом и попытался поскорее закончить свое выступление перед начинающей сатанеть химичкой: – В общем, он ее бросил, но промахнулся, и она на полу валяется! Я сам видел! А в классе мусорить нельзя, вы сами говорили! Вон, смотрите!

Питон попытался пнуть бумажку, всё еще лежавшую у стула Новенького, не попал и чуть не грохнулся на пол. Своей цели он, впрочем, достиг: очки химички сверкнули злой радостью, а румянец начал сходить на нет.

– Сядь, Чупров.

Ольга Валерьевна неспешно пошла между партами по направлению к Новенькому. Стояла мертвая, как Донец, тишина – даже Крюгер, умудрившийся простыть посреди нехарак-

терно жаркого даже по южным меркам сентября, перестал возиться с грязным носовым платком.

– Петренко, – тихо сказала химичка. Ей не нужно было повышать голос, чтобы обладать полным и безоговорочным вниманием всего класса. – Подними свою записку.

Новенький продолжал смотреть перед собой, но на его шее задергалась вена. Питон ощерился.

– Разверни ее, – продолжала Ольга Валерьевна. – И громко, с выражением прочитай всему классу.

Питон затаил дыхание. План удался! Развязка была близка – у Новенького было не так много вариантов дальнейших действий. Он может отказаться читать записку – и тогда истерики химички не избежать. Еще он может начать ныть и оправдываться – и тогда не избежать еще более лютой истерики химички! Уж как минимум, мысленно рассуждал Питон, притырка выставят из класса и отправят объясняться перед завучем! Всё складывалось как нельзя лу...

Питон не поверил сначала своим глазам, а потом своим ушам. Степан молча нагнулся, поднял с пола записку, выпрямился и развернул бумажку – всё это с одним и тем же отсутствующим выражением лица. «Зомби ебучий», – раздраженно подумал Питон. Новенький тем временем начал читать записку, явно не отдавая себе полного отчета в том, что он делает и какие последствия его вот-вот ожидают.

Питон выпучил глаза. Шутка получалась гораздо веселее, чем он смел надеяться. Всем шуткам шутка!

– Алла, я тебя люблю, – монотонно читал Новенький. – Порви, а то Гитлер спалит.

Неофициальное прозвище Ольги Валерьевны было самой страшной коллективной тайной 43-й школы – хотя и никакой на самом деле не тайной; Валерьевна не давала спуска ни детям, ни другим учителям, ни даже теткам, работавшим в школьной столовой.

В следующую секунду одновременно произошло сразу несколько событий.

Блондинка Аллочка, которую имел в виду Питон в своей записке, выпучила глаза на Новенького, ни разу с ней даже не поздоровавшегося, и злобно прошипела что-то себе под нос (Аллочка прекрасно помнила «важное правило поведения на уроке»).

Пух (мысленно) грязно выругался – на помощь пришел лексикон Сиси и Бурого.

Крюгер хихикнул.

Питон восторженно ахнул.

Ольга Валерьевна хлестнула Новенького ладонью по лицу.

После этого класс погрузился в ошалелую тишину. «Охуеть», – подумал Питон, в груди которого трепетала целая стая маленьких птичек, готовых вот-вот превратиться в горсть перьев, внутренностей и раздавленных косточек. Забыв втянуть соплю, он подался вперед и, не моргая, уставился на Степана, ожидая его реакции.

Реакции не было. Новенький смотрел сквозь взбешенную

химичку, не обращая внимания на расплывающееся по щеке красное пятно. Питон забеспокоился – шутка на глазах переставала быть смешной. Притырок должен был зарыдать, или забиться в истерике, или как-нибудь огрызнуться, вызвав еще большее бешенство Гитлера, – но ничего из этого не происходило.

Судя по всему, чего-то подобного ждала и сама Ольга Валерьевна. Она постояла еще несколько секунд, буравя Степана ненавидящим взглядом, после чего сквозь стиснутые зубы сказала:

– Выйди из класса, Петренко. Чтобы без родителей в школе не появлялся.

На этих словах Новенький сломался. На его лице и шее выступил нездоровый малиновый румянец; Степан затрясся, а полное безразличие в его глазах сменилось... Питон не мог понять, чем. Чем-то, прямо противоположным безразличию.

– Ольга Валерьевна, я... Я не... – Новенький не мог связать двух слов.

– Чтобы. Без. Родителей. В школе. Не. Появлялся, – повторила химичка, чеканя каждое слово.

Губы Новенького задрожали. Питон, жадно наблюдавший за метаморфозой придурка, облизывал губы и ерзал на стуле – он безошибочно определял момент, когда умирает часть чьей-то души. Это было идеальным финалом по-настоящему удачной шутки! Лучшего нельзя было и желать!

– Пошел вон! – взревела Ольга Валерьевна.

Давясь слезами, Новенький схватил свой полиэтиленовый пакет, сгреб туда с парты тетрадь и учебник, уронил ручку и выбежал из класса. Очки Гитлера с ненавистью блеснули ему вслед. Когда дверь за изгнанником захлопнулась, химичка выдохнула и холодно улыбнулась.

– Какой... Наглый молодой человек. Не представляю даже, что... – тут она себя одернула. – Вернемся к теме нашего урока. И эта тема, Селиверстова?..

– Валентность атомов водорода, – протараторила всё еще ошарашенная отличница.

На валентность водорода, как и любого другого химического элемента, Питону было абсолютно наплевать. Он всё еще не мог успокоиться – шутка удалась на славу! Самая смешная, самая великолепная шутка из всех, что он когда-либо шутил!

Хотя нет, мысленно поправился Чупров. Шутка со щенком пока оставалась непревзойденной. Щенка купили на день рождения его младшей сестре Мусе; та не чаяла в пушистом твякающем комке души – постоянно таскала его на руках и, несмотря на протесты матери, спала со щенком в обнимку. Шутка пришла Питону в голову однажды поздним вечером; он подкрался к спящей Мусе, вынул теплого щенка у нее из-под бока и одним движением свернул ему шею. Трупик он положил обратно, а утром утешал бьющуюся в истерике сестру – дескать, щенок просто крепко спит, надо попробовать его разбудить!.. Это была самая смешная шут-

ка в мире!

Но шутка над Новеньким определенно занимала почетное второе место на пьедестале. Питон мысленно еще раз прокрутил недавнюю сцену, смакуя все подробности, – а потом еще раз, и еще... Когда прозвенел звонок с урока, Чупров не рванул на перемену первым, как это было у него заведено, а остался сидеть, блаженно улыбаясь, шмыгая носом и шевеля губами. Шутка удалась!

Стоп.

Стоп-стоп-стоп.

Питон замер.

Почему притырок так задержался, когда Гитлер вызвала его родителей?

Ответа Питон не знал, но собирался во что бы то ни стало его найти. Он ощущал зарождение самой смешной шутки в мире. Самой-самой смешной шутки во всей Солнечной системе и далеко за ее пределами. Смешнее не бывает!

После химии в расписании стоял урок физкультуры. Пух ее всей душой ненавидел, Крюгер – презирал (он многое презирал), а почти все остальные – обожали: сорок минут движухи вместо сидения в душном классе!..

Физкультурник Степан Степаныч был контринтуитивным образом полноват и рыхловат, а также обладал ярко-красным лицом и редющим нимбом блондинских кудряшек. Степаныч, казалось, и сам не всегда понимал, зачем судьба заставила его преподавать физкультуру в школе; его основным педагогическим приемом было безразличие – ученики притворялись, что тренируются, а он притворялся, что обращает на них внимание.

Пуху было тяжело и противно не только заниматься физкультурой, но и притворяться, что он ей занимается. Испытания начинались еще в пропахшей пóтом и баскетбольными мячами раздевалке – как это было заведено у мужской части 8-го «А», переодевание в спортивную форму сопровождалось хохотом, поджопниками и шутками про трусы. Аркашу на таких вещах давно уже было не провести: тренировки он еще дома надел под брюки. Ну и что, что жарко! Зато удобно!..

– Зырьте, жиробас по ходу в бабских труханах, – заорал Питон. – Штаны снимать очкует!

Сегодня тактический маневр Пуха не сработал.

Шутка была несмешной даже по меркам Питона, поэтому Костя Ким, которого называли Каратистом за азиатскую внешность (и за то, что он выучил приемы карате по секретной распечатке), попытался пнуть Чупрова, не попал и оставил эту затею. Новенького видно не было, зато в поле зрения маячил Крюгер – правда, вел он себя очень странно. Вместо того чтобы изображать Брюса Ли и издеваться над чьи-нибудь трусами, Витя понуро сидел на скамейке в своей обычной школьной одежде и шмыгал носом.

– Ты что, заболел? – спросил Пух.

– Да не, понял, майку дома забыл, не кайф потеть, – объяснил Крюгер характерным честным голосом, безошибочно дававшим понять, что он врет. Точнее, не говорит всей правды.

– Так а как ты будешь заниматься?

– Да не насрать тебе, как? – рявкнул Крюгер, бросил под скамейку свой «дипломат» и, в чем был, рванул в спортзал.

Раздосадованный и удивленный Аркаша поплелся следом. Физра была последним уроком; в принципе, можно было бы двинуть домой и часок почитать перед ненавистным фортепиано, но у Степаныча имелась одна особенность: он всегда тщательнейшим образом записывал, кто присутствует на его уроке. Беглецам приходилось несладно: физрук с наслаждением ставил им двойки, стучал завучу и грозил испорченным аттестатом, дальнейшим непоступлением в институт и, в конечном итоге, армией или работой уборщицей

(если сбегала девочка).

Сегодня, впрочем, физрук был настроен благодушно. Причину этого несложно было угадать по его лицу особенно интенсивного красного цвета. Степаныч надеялся, что восьмиклассники не учуют легкий спиртовой аромат и не разглядят характерный блеск в его глазах, но он сильно недооценивал наблюдательность учеников: в школе за ним давно и прочно закрепилось прозвище Стакан Стаканыч.

– Класс! По случаю превосходной погоды занятие сегодня пройдет в школьном дворе! Все бегом марш!

Физрук хлопнул в ладоши и для верности свистнул в висевший у него на шее свисток. Он, кажется, искренне ожидал радостных воплей и ликования, но восьмиклассникам было всё равно, где бездельничать сорок минут; школьники вяло потянулись к выходу из зала.

– Степан Степаныч, что-то я неважно себя чувствую, – на всякий случай сказал Пух.

Этот номер с физруком никогда не прокатывал, но Аркаша был очень упорным мальчиком.

– Ты давай мне, Худородов, не выпендривайся. Посмотри на себя – на тебе пахнуть надо! Во двор бего-о-ом марш!

По пути Пух попытался обсудить с Крюгером неожиданную истерику Новенького, но Витя отвечал односложно и казался примороженным. Если кто-то сейчас и чувствует себя неважно, понял Пух, то это его друг.

– Может, тебе домой пойти?

– Может, тебе в сраку пойти? Я домой не пойду! – огрызнулся Крюгер.

Вот теперь он звучал совершенно искренне – и Пух забеспокоился. Он не знал подробностей ситуации в крюгеровской семье, но был достаточно сообразительным для того, чтобы понять: ничего хорошего дома у Сухомлиных не происходило.

– Если надо помочь, то я... – продолжил он вполголоса, убедившись, что никого из одноклассников поблизости нет.

Крюгер внезапно замер, бешено посмотрел на Аркашу и заверещал, захлебываясь и брызжа слюной:

– Пошел ты в жопу, понял, со своей помощью! Жиробас ебучий!

Пух дернулся, как будто получил пощечину. Его друг часто и не всегда ненамеренно говорил ему гадости, но никогда, ни единого раза не упоминал при этом его вес. Стало одиноко и противно – Аркаша впервые в жизни ощутил себя по-настоящему преданным.

Крюгер рванул вперед, первым выбежал во двор и яростно пнул один из валявшихся на земле баскетбольных мячей, толком по нему не попав. Тяжелый мяч нехотя покатился в сторону; Крюгер догнал его и снова со всей дури пнул, заставив врезаться в бледно-желтую стену со звуком пушечного ядра. Попытался поймать отскочивший мяч, не смог, подбежал к стене и начал лупить ее ногами, оставляя пыльные следы.

– Сухомлин, я не понял! Немедленно прекратить порчу школьного имущества!... И самой школы!

Раскрасневшийся Стаканыч вплыл в школьный двор, стараясь не спотыкаться, – такую прекрасную погоду во второй половине сентября грех было не отметить. Он поднес к губам свисток, выронил его, неловко поймал и, наконец, издал длинную трель.

– Восьмой «А»! В одну шеренгу стройсь! К перекличке товьсь!

Пух вздохнул и потащился к своему месту в шеренге. Обычно он стоял рядом с Крюгером (они были примерно одного роста), но сегодня его друг демонстративно вкрутился в середину строя подальше от Аркаши. Хуже всего было то, что Пух по-прежнему не понимал, чем он вызвал взрыв гнева и оскорблений, – ведь он искренне хотел помочь. Видимо, как иногда непонятно говорила мама, добрые дела и правда не остаются безнаказанными... Ну и ладно! В конце концов, настоящим космическим авантюристам не нужны никакие друзья – они сами по себе, как волки!

Физрук повернулся к шеренге восьмиклассников, хлопнул в ладоши и объявил:

– Так, восьмой «А»! Внимание! У вас новенький, звать Саша Шаманов. Прошу любить и, так сказать, жаловать!

Пух прищурился на солнце. Рядом с учителем стоял высокий, широкоплечий, чересчур взрослый для восьмиклассника парень с безупречной киношной улыбкой. В отличие

от всех других новеньких, когда-либо виденных Пухом, этот не выглядел смущенным и напуганным – совсем наоборот, он явно получал огромное удовольствие от происходящего. «Псих какой-то», – решил Аркаша. Стаканыч тем временем продолжал:

– Саша переехал к нам из Новошахтинска и будет со всеми вами дружить. Так точно, Санчо?

Пух выпучил глаза. Новошахтинск, конечно, многое объяснял: переехать из такой жопы в богатый солнечный Ростов было делом серьезным; то-то этот Шаманов так лыбится. Крутая школа посреди центрального проспекта – вместо колхозной развалюхи, где он наверняка до этого учился, рядом есть бассейн (в котором, правда, Пух никогда не был – еще чего не хватало!) и даже кооперативный рынок со сниккерсами на пяточке у Центральной городской больницы... Тут и правда было чему обрадоваться! Но, блин, «Санчо»?! Что это было?! Откуда физрук и новенький друг друга знают? Прозвище явно не было придумано только что: Степаныч такой ерундой никогда не занимался и в целом в фамиллярности со школьниками замечен не был.

– Короче, – снова хлопнул в ладоши Степаныч. – Дальше сами познакомитесь. Обойдемся сегодня без переклички. Девочки, три круга бегом вокруг двора в свободном темпе! Пацаны, каждый делает по десять отжиманий и по десять приседаний! Приду – проверю!

С этими словами физрук двинулся обратно к школе, что-

бы сделать еще пару глотков подаренного тестем смородинового самогона – как это про себя называл Степаныч, «чисто для блеска глаз». Наиболее послушные восьмиклассники нехотя потрусили вокруг двора; все остальные расселись на ржавых брусках и зашептались, постреливая глазами в сторону Шаманова. Который, как неохотно признался сам себе Пух, был реально видным парнем. Возможно, в спорте и впрямь было что-то толковое, и зря он, Аркаша, так его ненавидел. Уроки фортепиано – это, конечно, хорошо, но такую бицуху на них не накачаешь.

У мальчиков, разумеется, были дела поважнее отжиманий. Первым к этим делам приступил Костя Ким.

– Э, новый, раз на раз? – крикнул Каратист, издал боевой клич и принял боевую стойку, подсмотренную им в фильме «Выход дракона» с Брюсом Ли.

На это Шаманов, натурально, просиял, характерно встряхнул плечами и бодро сказал:

– Базару ноль, братик, погнали! Я по карате только не очень, больше по боксу.

Это была самая крутанская фраза, которую все присутствующие, включая Костю Кима, слышали в жизни (за исключением разве что фраз, слышанных всеми в видеосалонах).

– Ладно, похер, – резко стушевался Каратист. – Ты ж приемов не знаешь, размотаю тебя как нехер делать. Жалко даже. Научишься карате – приходи.

Глаза Шаманова вдруг стремно блеснули.

– Да не, братан, че ждать, – сказал он, сжал кулак и протянул его в сторону Каратиста в боксерском боевом приветствии.

Костя отскочил. Девочки захихикали. Питон в голос загоготал. Шаманов с полминуты простоял с протянутым приветственным кулаком, потом пожал плечами и радостно сказал:

– Базару ноль, братец. Передумаешь – маякни.

Всем стало очевидно, что спарринг, даже не начавшись, скоропостижно закончился победой Шаманова. Костя Каратист, судя по его выражению лица, вдруг открыл для себя проверенную тактику Пуха в общении с Сисей и его компанией – просто вычеркнул всё, что вокруг происходит, из реальности. Он задумчиво посмотрел в синее небо, развернулся и ушел по направлению к турникам, больше не сказав Шаманову ни слова.

– Э, але, слышь, как тебя там! – вдруг крикнул Крюгер.

Новоприбывший, успевший уже разжать кулак и опустить руку, повернулся к нему, не переставая лучезарно улыбаться, и вопросительно вскинул бровь.

– Я, понял, не понял, как тебя звать теперь, – продолжил Крюгер. – Новенький у нас уже есть, а Саш вообще, по ходу, человек пять.

Это было правдой: Сашами звали, кажется, каждого третьего ученика школы № 43. Только в 8-м «А» учились Саша

Покровский (лох), Саша Середин (просто левый пассажир), Саша Соснов (здоровенный тупой чертила деревенского вида) и Саша Ровно (девочка, которой достались и универсальное имя, и унисекс-фамилия на «о»).

Очередной Саша сказал, не переставая сиять:

– Дома Шаманом называли.

Вне всяких сомнений, это было крутейшее погоняло из всех, которые Пуху доводилось слышать в жизни. Крюгер, судя по всему, тоже так подумал: помимо обыкновения, в ответ он не съязвил, а серьезно кивнул.

– Короче, пацаны, – скомандовал Шаман. – Звонок скоро. Погнали отжиматься, как Степаныч сказал.

По неясной причине все безропотно погнали отжиматься. Даже Пух с кряхтением опустился на землю и поставил абсолютный рекорд по отжиманиям среди семьи Худородовых – два раза. Ну, технически – полтора, потому что в какой-то момент трясущиеся руки не выдержали и Пух упал на пузо. Рекорд, тем не менее, оставался рекордом (но побит он будет довольно скоро, а случится это при максимально диких обстоятельствах).

Крюгер не мог объяснить даже себе самому, почему он так выверился на Пухановича. Он даже, честно говоря, не считал своего друга жирным. Он просто... Он просто не нуждался ни в чем сочувствии! Еще чего не хватало! В жопу его себе засуньте! Он был одиноким волком безо всяких эмоций, холодной машиной смерти и справедливости – как Чак Норрис, только еще круче. В сто раз!

Крюгер заплакал.

Время тянулось медленно, словно ранний сентябрьский вечер был медом, льющимся из одной банки в другую.

Наконец Витя слез с дуба, развилка в ветвях которого была его генеральным штабом, яростно пнул камешки, неосмотрительно валявшиеся на пути одинокого волка, и решительно направился к пятиэтажке, где жила его семья.

Нахер семью! Кому она нужна!.. Тьфу!

Вчера он просидел в генеральном штабе несколько часов, пока не стало темно и холодно. Крюгер читал детектив Агаты Кристи, стараясь не ерзать по жесткой ветке. Улица Подбельского словно вымерла; иногда по ней проходила бабка с коляской или проносилась ватага визгливых детсадовцев, – Крюгер морщился, не желая отвлекаться от приключений Эркюля Пуаро.

Оторваться, впрочем, однажды пришлось – когда мимо

генерального штаба прошли районные отморозки Сися, Бурый и еще какой-то левый чертила невысокого роста. Бурый заметил Крюгера и кинул скомканной сигаретной пачкой (не попал); он собирался было пнуть дерево, чтобы стрясти Витю вниз, но левый чертила что-то недовольно ему сказал. Вопреки ожиданиям Крюгера, Бурый не огрызнулся и даже не засмеялся характерным гопническим смехом (отдельные гортанные выкрики «Гха! Гха! Гха!»), а дернулся, как от удара, и отскочил от дерева в сторону.

Крюгер высказал этим недоделкам всё, что он о них думает (предварительно убедившись, что они отошли достаточно далеко от зоны слышимости). Правильно, валите к херам, пока по жопе не получили! Крюгер с ненавистью закрипел зубами, до боли сжал кулаки и вернулся к Пуаро. Чтение шло туго; каждое предложение приходилось по несколько раз начинать сначала, чтобы понять, о чем идет речь. Скоро стемнело, но Крюгер всё равно торчал в генеральном штабе, стуча зубами от холода, – он надеялся, что к моменту, когда ему всё же придется идти домой, там все уже лягут спать.

Ага, шас.

Это было вчера. Сегодня он пару (шесть) раз прошелся вокруг квартала, чисто чтобы размять затекшие на дереве ноги; десять (сорок) минут посидел на скамейке у подъезда, после чего злобно плюнул себе под ноги и все-таки пошел домой.

О чем немедленно пожалел.

– Еб твою мать, Сергей, ты же всю жизнь мне обосрал! Всю, сука, жизнь! – вопли мамы были слышны еще из подъезда. – Пьянь! Бесполезная скотина! Убывай из дома, чтобы я тебя больше не видела!

Отцовского голоса Крюгер из подъезда не слышал, но прекрасно знал, что он сейчас говорит. Что-нибудь типа «ну и выходила бы замуж за этого пидора Васю». Или, например, «Света, ты прекрасно знаешь, что идти мне некуда». Или «я взрослый человек и могу себе позволить выпить».

После короткой паузы мама снова взревела:

– Что?! Да когда ты себе позволял что-то, кроме выпить?!

Точное попадание в цель.

Крюгер открыл дверь своим ключом, стараясь не шуметь, и просочился в темную прихожую – если всё получится, он скользнет в свою комнату и, в чем был, залезет под одеяло, притворившись спящим.

Не тут-то было.

– Света, может, ты хоть при ребенке заткнешься? – устало сказал отец.

Но Света набрала уже такие обороты, что затыкаться не планировала.

– Давай, коне-е-ечно, прячься за сыном! Полюбуйся, на что он стал похож из-за твоего бесконечного скотства!

– Что?! Витяй ни на что не похож! Нормальный крепкий парень! Да, сынок? Ну-ка, иди к папе, покажи бицепс!

Судя по слегка заплетающемуся языку и выбранному то-

ну, отец Крюгера был и в самом деле пьян – точнее, скорее всего, не до конца протрезвел после выпитого несколько часов назад. Витя притворился глухим, шмыгнул на кухню и открыл холодильник, скрежеща зубами от ярости. Родители продолжали собачиться в так называемом «зале» (одной из двух их комнат); смех мамы звучал фальшиво.

– Вот! Видишь? Видишь?! Он даже внимания на тебя не обращает. А знаешь, почему, Сережа?!

– Закрой рот! Ты сама никуя не знаешь! Тупая шлюха! Витя, сюда подойди!

– А всё потому, Сережа, – продолжала мама, пропустив мимо ушей его последние слова, – что ты бесполезный алкаш и кусок говна!

– Виктор, иди сюда немедленно! Покажи этой овце, своей матери, что уважаешь папу!

Крюгер уставился внутрь холодильника невидящими глазами. Светлана последовала за ним на кухню и заговорила фальшивым ласковым голосом:

– Ты голоден, Витюша? Давай я сейчас быстренько что-нибудь приготовлю.

– Мне так хуй что-то когда-то приготовишь! – взревел из-за стены папа Сережа.

– Заткнись, погань!

Светлана нервно схватила со спинки стула старый свитер и накинула его на плечи, поверх цветастого платья – на пару размеров меньше, чем стоило бы носить замужней женщине

в ее возрасте.

Крюгер почуял веяние легкого перегара – то есть не только отец позволил себе среди буднего дня. Мама работала в бухгалтерии обувной фабрики имени Микояна – там всё время отмечали дни рождения, непонятные отраслевые праздники и, конечно, все остальные праздники тоже; как говорила мама кому-то по телефону, «не пьем, а лечимся».

Помимо спиртного, сегодня от нее слегка несло мужским одеколоном.

Папа Сережа одеколоном давно уже не пользовался.

– Не, мам, я нормально, – буркнул Крюгер, ничего не евший в последние десять часов.

Он не глядя схватил кусочек заветренного сыра и мятый пакет молока недельной давности, грохнул дверью холодильника и направился в свою комнату, а настроение Светланы снова резко изменилось.

– Давай, конечно, – прошипела она в сторону Вити. – Хлопай холодильником, херачь, громи всё, на что я зарабатываю! Весь в мудака-папашу пошел – обоим лишь бы пожрать да посрать. А то, что я за вас всех горбачусь, – так это кого когда интересовало?! Да за что же мне всё это!..

– Хватит дергать ребенка! – крикнул Сергей.

– Кто б тебя дернул, алкаша кусок!

Крюгер бросился в свою комнату, прижимая к груди добытые на кухне объедки.

На следующий день Новенький в школе не появился – с учетом его недавней стычки с Гитлером это было неудивительно. Никто в здравом уме не привел бы родителей по вызову Ольги Валерьевны сразу после инцидента – школьники знали, что ей надо сначала немного остыть. Несмотря на это, Питона грызло интересное предчувствие: ситуация с Новеньким явно нуждалась в тщательнейшем расследовании.

На перемене он высмотрел Аллочку и двух ее подруг – Королевы Красоты (как называли себя они сами) или Злобные Твари (как за спиной называли их почти все остальные) сидели на подоконнике и сплетничали. Аллочка, одетая в моднейшие «мавины», преувеличенно громко хохотала, запрокинув голову и трясая высокой лакированной челкой; подруги хихикали, манерно прикрывая рты. Питона они не то что бы избегали – он просто не существовал в их мире: Чупров справедливо подозревал, что за шесть школьных лет Аллочка даже не удосужилась запомнить, как его зовут. Такое положение вещей его слегка оскорбляло, поэтому в прошлом году Питон осторожно распустил слух о том, что Аллочка отсосала за гаражами какому-то взрослому типу. К сожалению, шутка не удалась – Аллу побаивались, и слух широкого распространения не получил. Точнее, боялись не Аллу, а ее отца – Фармацевт, как шептались пацаны, был лютым

отморозком и одним из самых центровых бандитов города, славящегося своими отмороженными бандитами.

– Алла, привет! – сказал Питон.

Королева Красоты покосилась на него и поморщилась. Подруги сделали такие лица, как будто чем-то завоняло.

– Съебись.

– Да я спросить хотел, вдруг ты в курсах... Но ты, по ходу, не знаешь.

– Что он несет? – спросила Ксюша, одна из Королев. Из-за известной песни ее давно уже прозвали Юбочкой из Плюша; со временем погоняло сократилось до Юбки.

– Да он ебнутый, – объяснила Алла. – Уйди, придурок, письками воняет.

Питон невинно улыбнулся – Аллочка не обманула его ожиданий.

– Ой, а ты откуда знаешь, как они пахнут?

Юбка помимо воли хихикнула, моментально заткнулась и в ужасе уставилась на Аллочку. Третья подружка владела собой лучше, поэтому выпучила глаза и оглядела мизансцену, приоткрыв рот в предвкушении скандала. Аллочка выждала секунду и хмыкнула; подружки поймали сигнал и с облегчением рассмеялись.

– Ниче пошутил, как там тебя... – Алла щелкнула пальцами.

Питон собрался было представиться, но его опередила Юбка.

– Питон он.

– Ниче пошутил, Питон, – повторила Аллочка.

Чупров собирался было перейти к сути вопроса, но Алла подмигнула ему, улыбнулась накрашенными (строго запрещено в школе) розовой помадой губами и вполголоса сказала:

– Еще раз так пошутишь – тебе пиздец. Понял меня? По-настоящему прям пиздец.

Питон умел отличать серьезную угрозу от пустых бабьих причитаний и отдавал себе отчет в том, что сейчас угроза прозвучала нешуточная. Впрочем, самоконтроль никогда не был его сильной стороной.

– Ой, и что ты сделаешь? Старшакам расскажешь, что я пошутил? Так ты шуток не понимаешь просто!

«Не понимаешь шуток» было одним из самых страшных оскорблений в арсенале Сережи Чупрова. В арсенале Аллочки было гораздо больше страшного.

– Нет, Питон. Я папе скажу, что ты меня лапал на физкультуре.

Чупров втянул и проглотил соплю, мысленно ругая себя за длинный язык. Алла продолжала:

– В курсе, что с тобой будет?

Питон нехотя кивнул.

– Съеби теперь.

Сережа сдулся и ретировался.

Про жестокость Фармацевта ходили самые красочные ле-

генды. Он был бандитом новой формации – не мясным «физкультурником» и не пахнущим тюрьмой мужчиной неопределенного возраста с чернильными перстнями. Коля Фармацевт со своей бригадой «держал» вещевые рынки и автомастерские, ручкался с мусорами, не забивал себе голову воровскими понятиями и ни разу не сидел в тюрьме. Багажник его BMW был, если верить старшим пацанам, чем-то вроде волшебного портала – он переносил живых людей из точки А в точку Б. Последняя, как правило, находилась в лесополосе у Батайска; багажник доставлял туда людей уже мертвыми и расфасованными в черные полиэтиленовые пакеты. Что из этого было правдой, а что – выдумками впечатлительных подростков, понять было нельзя, но проверять это на себе Питон не хотел.

– Алё, вонючка! Как там тебя... Питон!

Он не хотел оборачиваться, но вспомнил про черные пакеты, шмыгнул носом и все-таки обернулся, подобострастно уставившись на Аллочку. Мимо с визгом пронеслась стайка третьеклассников – большая перемена должна была вот-вот закончиться.

– Че спросить хотел? – уточнила Алла.

В каком-то американском фильме Питон однажды услышал выражение «любопытство убило кошку». По его опыту, кошек убивало далеко не только любопытство, но сейчас эта поговорка была очень уместной.

– А, да не, ничего такого, проехали.

– Ладно, познакомлю тебя с папой, раз так просишь.

– Блин... Да это... А что с Новым? Ну, с Петренко? Чего он так задержался, когда Гитлер родителей вызвала? Она же, ну, всегда...

– Ой, да это все знают. Юбка, скажи ему.

Ксюша по сигналу затараторила, вываливая на Питона информацию, которой, по правде говоря, почти никто в школе не владел. Аллочке нужно было очередное подтверждение своего венценосного статуса – именно на это и был изначальный расчет Чупрова.

– Так он сирота, ну, в смысле, не детдомовский и ничего такого, а просто у него родки недавно померли, а теперь он с бабкой живет, а она у него ебанутая от старости, и у них вообще ничего нет, как у бомжей, ни денег, ни жрачки, ничего вообще, а живут они на Нахаловке в сарае, на голой земле спят, а еще...

– Ладно, заткнись, – перебила Алла, и победно прищурилась на Питона: – Что ты там говорил, что я не по курсам?

К счастью для Питона, зазвенел звонок на урок. Королевы Красоты моментально потеряли к нему интерес и поплыли по направлению к кабинету физики.

Питон остался стоять посреди школьного коридора, глядя перед собой в пространство и шмыгая носом. Самая смешная шутка в мире, если не во всей вселенной, начала обретать форму в его воображении.

Новенький невидящими глазами смотрел в темную грязную стену их единственной комнаты. Баба Галя, к счастью, спала; ее глаза двигались под дрожащими веками, наблюдая какой-то другой мир. Ей было в нем комфортно: в последние дни бабушка спала по десять-двенадцать часов, с большой неохотой возвращаясь в реальность.

Несмотря на то, что Степан выглядел парализованным, его разум работал с бешеной скоростью – кажется, он нашел единственный возможный выход из бездны, в которую попал после... всего, что произошло.

Для выхода нужен был пистолет.

Оружия у Степана не было, и где его взять, он не знал, – это были минусы. Но Нахаловка кишела огнестрельным оружием – и это было плюсом. Охотничьи ружья, превращенные в обрезы. Автоматы Калашникова, добытые жителями Нового поселения в горячих точках трещащей по швам страны. Самострелы, собранные умельцами-цеховиками.

Всё это было не то. Для надобностей Новенького подходил обожаемый бандитами ТТ, «Тульский Токарев» – тяжелый, надежный армейский пистолет времен Великой Отечественной, при должном уходе бывший ровно таким же эффективным, как полвека назад. Либо «Макаров» – табельное оружие милиции, которым бандиты тоже с удовольствием поль-

зовались, предварительно спилив серийные номера.

Так, посмотрим, думал Новенький. «Тэтэшка» была полуавтоматической – Степа знал это еще с тех пор, когда зачитывался книгами по военной истории. Лучшая – экспериментальная – модификация 1942 года обладала магазином на пятнадцать патронов – более чем достаточно для стоящих перед Степаном задач. «Тэтэшек» в городе было, что называется, как грязи – они валялись на военных складах и оптом продавались кем надо кому надо; Новенький этого не знал, но дополнительным преимуществом армейских ТТ в глазах целевой аудитории было то, что они не вносились в милицейскую пулегильзотеку – убийство из такого оружия было практически невозможно раскрыть при помощи стандартной баллистической экспертизы. В обойме «Макарова» патронов было поменьше – восемь в стандартной модификации, – но Новенький всё рассчитал и этого тоже должно было хватить.

Степа трезво смотрел на вещи – времени у него было на шесть-семь выстрелов, не больше. После этого, когда пройдет первая паника, его скрутят.

По пуле в каждый глаз Питона.

Пуля в ногу Ольге Валерьевне. Убивать химичку он, в общем, не хотел, но против такого исхода не возражал. Как получится, решил Новенький.

Насчет четвертой пули он пока сомневался. В нем не было ненависти ни к кому, кроме Питона, – да и к тому Степа не

испытывал сильных эмоций. Он просто хотел, чтобы Чупрова не было. Так что, видимо, четвертую пулю нужно будет оставить про запас: если у него дрогнет рука или произойдет осечка.

С пятой и шестой всё было давно решено: он упрет ствол снизу в свой подбородок и дважды нажмет спусковой крючок. Как читал Новенький в книжке про красных разведчиков, это был самый эффективный способ не дать врагу взять себя живым – при выстреле в висок кость могла сбить траекторию пули, а допускать этого было никак нельзя.

Степа прокрутил в воображении весь план сначала, пытаюсь найти в нем изъяны. Изъянов не было.

Баба Галя пошевелилась и издала во сне сдавленный звук. Ба... Степа переживал за нее, но старался смотреть на ситуацию объективно: что с планом, что без него исход был один. Было очевидно, что старушка умирает; это было вопросом времени – дней? недель? Недель у них всё равно не было. Еда закончилась еще вчера. Денег не было уже давно. Пенсию бабушке принесут только через десять дней. После того, как план осуществится, милиция превратит жизнь Бабы Гали в ад, – но, думал Новенький, ее жизнь и так уже ад. Сильно хуже не будет.

Машка, их пожилая полосатая кошка, сказала «мр-р-рау», прыгнула ему на колени и посмотрела в глаза со специальным кошачьим выражением, означающим «покорми меня». Степа, моментально вырванный из мыслей о сформирован-

ном плане, вдруг в голос зарыдал. Он не мог смириться с мыслью, что Машка окажется на улице, – она же домашняя, мамина, она и дня не протянет в лютом Шанхае с его дикими псами и еще более дикими людьми...

– Маш... Прости... У меня ничего нет...

Кошка умоляюще потерлась лобиком о его подбородок. Степа взвыл, захлебываясь слезами. Ба не просыпалась.

В дверь постучали.

Новенький аккуратно ссадил кошку на пол и на автопилоте побрел к двери – может быть, каким-то чудом пенсию принесли раньше положенного срока.

Вместо почтальона на пороге стояла Людка Бычиха, обнимающая огромную кастрюлю и какой-то мешок. Степа поднял глаза на ее лицо и даже в своем нынешнем состоянии опешил от контраста: свежий фингал под Бычихиным левым глазом никак не сочетался с ее широченной улыбкой.

– Малой, Галина не спит? – гаркнула соседка.

– У вас есть пистолет? – вдруг ответил Новенький вопросом на вопрос.

Бычиха ни на секунду не смутилась:

– Да дохера у нас стволов, прости господи, не при детях будь сказано. В подвале даже пара «калашей» припрятана, на всякий случай. А случаи бывают разные, га-га! Но вопрос в другом – спроси у бабули, вам картошка не нужна?

– А... – вякнул шокированный Степа.

– И селедка еще, килограмма три, если не больше.

– Откуда? – выдохнул Новенький.

Бычиха охнула, поставила кастрюлю на пол и бросила рядом пахнувший рыбой мешок.

– А оттуда, что Бык, ети его душу мать, не при детях будь сказано, кому-то бабла занимал, а вернули ему – картофаном и сельдью этой ебучей. Прикидаешь, на грузовике привезли. Уже есть это говно не можем, прости господи. Дети, блять, блюют уже селедкой, не при де... Короче, надо, нет?

Степа не мог поверить своим ушам.

– Но... У нас денег нет...

– Ой, да в жопу засунь свои деньги, мы соседи или кто?! – упоминание денег Бычиху, кажется, не на шутку взбесило.

Снова давась слезами и не в силах сказать ни слова, Новенький подхватил тяжеленную кастрюлю и потащил ее в комнату. Людка удовлетворенно кивнула и собралась было уходить, как вдруг остановилась на полушаге и цепко посмотрела на соседского пацана.

– А ты че хнычешь, Степаха? – она помедлила. – Ну, если не из-за... Ну...

Ничего рассказывать он ей, конечно же, не собирався.

Он всё ей рассказал, подвывая и вытирая глаза. О том, что его, по сути, исключили из школы. Что ему нужно было вести родителей к директору. Что он не знает, что делать. Что он хочет умереть, потому что не понимает, как дальше жить.

В какой-то момент Людка его перебила.

– Ладно, малой, ручка есть? Бумажку тоже дай, из тетрадки вырви или я не знаю.

– За... Зачем?..

Бычиха только сделала нетерпеливое движение рукой.

Он выудил из пакета свои школьные принадлежности и выдал соседке всё, о чем она просила. Людка опустилась на колченогую табуретку, подложила под листок учебник по природоведению и начала быстро что-то писать. Степа пытался подглядеть, но она недовольно рыкнула в его сторону; поэтому Новенький раскрыл мешок, достал оттуда рыбину, отрезал туповатым ножом треть и положил перед Машкой. Голодный зверек набросился на еду, дрожа и благодарно мурлыча; едва успокоившийся Новенький понял, что вот-вот снова зарыдает, как вдруг Людка громко щелкнула пальцами, привлекая его внимание.

– Нá, директрисе передашь. – Бычиха дала ему сложенную вчетверо записку. – Скажи, Людка Коровина привет передает.

– А вы ее... откуда знаете? – выдавил ошарашенный Степан.

– Не твое собачье дело, малой! – весело ответила соседка. – Не проеби смотри, прости господи душу мою грешную.

С этими словами она встала и ушла, не обращая внимания на благодарное лепетание Новенького. Он стоял посреди комнаты, хлопал глазами и бережно поглаживал записку, слушая Машкино бодрое чавканье.

Баба Галя заворочалась и сонно сказала:

– Степа, кто приходил? Таня? Куда она делась?

– Скоро вернется, Ба, – ответил он с улыбкой. – Вареную картошку будешь?

– Степочка, но у нас нет...

– Всё у нас есть!

– Э, ебанько, сюда подошел.

– Да ты, ты, че ты башней вертишь. Тут из ебанько только ты.

Бурый захохотал своей собственной шутке. Сися тоже хмыкнул – эту шутку он слышал тысячу раз, из них несколько сотен раз – из собственных уст; он даже понимал, что технически это была вообще не шутка. Но особый кодекс чести (по крайней мере, как его понимали на отрезке Буденновского проспекта от Красноармейской до Нахаловки) требовал именно такой реакции на приколы дружественных пацанов в адрес лоха.

Новенький искренне удивился. Не то что бы его никто никогда не унижал и не бил – это как раз случалось довольно часто. Но чтобы к нему вот так докопались на улице – от такого Степа уже отвык. Гопники либо не замечали его, либо отводили глаза; в последние месяцы он и сам осознавал себя пустотой, способной затянуть любого неосторожного прохожего.

Сегодня что-то изменилось.

Степа сунул руку в карман, потрогал Бычихину записку и решил убежать, не вступая в диалог. Если бы Пух был рядом, он бы с уверенностью, основанной на многолетнем опыте, заявил: это – самая большая ошибка, которую может совер-

шить жертва гоп-стопа.

Степа побежал.

Сися по-совиному зауhal, а Бурый взревел в почти непри-
творной ярости. Лох явно не понимал правил игры и должен
был понести за это суровое наказание.

– Стоять, сука! Я тебя после школы по-любому выловлю!

Как опять же мог бы подтвердить Пух, эта перспекти-
ва была вполне реальной. Новенький не останавливался.
Неожиданно тональность гопнических воплей за его спиной
поменялась.

– Э, Сисян, это че за хуйня?

– Лови, еб твою, улетит!

Сердце Новенького пропустило удар. Нет! Нет-нет-нет-
нет. Только не это. Пожалуйста, только не это. Он не осознал,
что кричит эти слова вслух. Степа развернулся, до последне-
го надеясь, что неправильно интерпретировал изменившуюся
ситуацию.

Он всё интерпретировал правильно. Бурый неловко при-
сел и схватил записку, несомую по асфальту теплым ве-
терком, – Новенький выронил ее в процессе бегства. Сися
нетерпеливо выхватил бумажку из рук приятеля, развернул
ее и зашевелил губами. Степа рванул обратно, задыхаясь и
крича:

– Отдай! Это не твое!

– Теперь – мое, – спокойно ответил Сися и ударил его ку-
лаком в челюсть.

– Че там, че там? – подпрыгивал Бурый, не глядя на Степана.

Новенький замер, обхватив ладонями лицо; из-под его пальцев зазмеилась струйка крови.

– Да хуй знает, не пойму, – ответил Сися. – По ходу, шпора какая-то, непонятно написано.

– Отдай! Это мое! – брызги крови летели со Степиной разбитой губы. Он попытался вырвать записку, но Сися среагировал быстрее и пнул Новенького в колено, заставив с воем рухнуть на асфальт.

– Нá, глянь, – Сися передал бумажку Бурому. – Реально, как жопой писали.

Тот схватил записку и прищурился.

– Не, братан, тут не шпора. «Прошу принять во внимание в порядке личного одолжения... В связи с семейными обстоятельствами...» Нихуя себе!

– Че там? – рявкнул Сися.

– Суки, – прошипел Степан с земли. – Ненавижу! Ненавижу!...

Из арки Немецкого дома вышел немолодой жилистый мужчина в кепке; в руках он нес пустой трехлитровый баллон – очевидно, несмотря на ранний час, шел покупать пиво на розлив.

– Помогите! – крикнул Новенький сквозь пузырившуюся на губах кровь.

Сися отвлекся от записки и посмотрел прохожему в глаза.

Несмотря на разницу в возрасте, мужчина испуганно отвел взгляд, крепче прижал к себе баллон и засеменил в сторону улицы Красноармейской. Вон какие здоровые лбы, даром что малолетки!..

– Правильно, пиздуй! – гыгыкнул вслед Бурый. – Тут ничего интересного! Короче, приколи, братан...

– Заебал, нормально говори, – рыкнул Сися.

– По ходу, мамка у него померла недавно.

– Да батя замотал, за положняк такая тема, – объяснил Сися. – Это, короче, тема была с типом из Новочека, прикинь, – у него дед по синьке бабку топором убал насмерть, га-га! Прикидаешь! Вспомнил, что она сто лет назад от него бляданула! Тут, по ходу, та же хуйня!

– Не-не, Сисюль, там написано, батя тоже крикнул. А-а-а! Блять!

Новенький не мог встать, поэтому на карачках подполз к Бурому и зубами вцепился ему в ногу сквозь скользкую штанину спортивного костюма. Сися выхватил записку у завывающего от боли и неожиданности товарища, скомкал ее в кулаке и присел на корточки. Когда он заговорил с Новеньким, его голос звучал безмятежно, почти радостно.

– Вот теперь ты попал, убоок. Реально, по-настоящему попал.

– Пустите его! – донесся откуда-то знакомый голос.

– Че, блять? – прошипел Сися, выпрямляясь.

Пух несся прямо на него, сжав кулаки и выпучив глаза.

Он начисто забыл о своем тактическом приеме вычеркивания гопников из реальности; если бы еще минуту назад ему кто-то сказал, что он сам, по своей воле кинется на Сисю с Бурым, Аркаша бы покрутил пальцем у виска и засмеялся.

Сися был настолько ошарашен неожиданным прибытием кавалерии, что позволил Пуху выхватить записку и начать поднимать Новенького с земли.

Только затем, чтобы упасть рядом, получив сильный удар в скулу. Бурый гыгыкнул и встряхнул правой кистью.

– Хорошо пошла!..

Сися снова присел рядом, аккуратно вынул у впавшего в ступор Пуха записку и щелкнул пальцами в сторону Бурого. Ничего объяснять тому было не надо – он выудил из кармана и передал другу синюю пластиковую зажигалку «Віс».

– Нет!.. Суки!.. – прохрипел Новенький – и вскрикнул, получив от Бурого пинок в рёбра.

– Тихо, – скомандовал Сися, щелкнул жигой и поджег записку от Бычихи. Секунду все молча смотрели, как язычки пламени пожирают бумагу. Когда она догорела, Новенький прошипел:

– Убью.

Брови гопника поползли на лоб.

– Что-что, дружище? Не расслышал.

«Дружище», шатаясь, встал, посмотрел обидчику в глаза и отдельно сказал разбитыми губами:

– За это. Я. Тебя. Убью.

Пух в ужасе усталился на Нового. Бурый не знал, как вести себя в таких ситуациях, поэтому на всякий случай громко гыгыкнул. Сися не смеялся.

Новенький зажмурился, ожидая очередного избиения, но вместо этого Сися преувеличенно аккуратно стряхнул грязь с его рубашки, улыбнулся и заговорил нехарактерно приветливым голосом:

– Слушай сюда. Тебя как зовут, напомни?

Степа открыл глаза и рявкнул, брызжа кровью:

– Нахуй пошел!

Даже на это Сися почти не отреагировал – только дернул уголком рта, над которым пробивались редкие усики. В его глазах блестело радостное предвкушение, какое бывает у детей за несколько часов до Нового года.

Бурый попятился – он знал пацана, которого ровно за эти слова пырнули в брюхо ножом восемь раз и оставили истекать кровью в грязном переулке в районе набережной Дона.

– Смотри, дружище. Видишь, вон там гаражи? – Сися показал вглубь арки. – Жду тебя завтра в четыре во-о-он за той зеленой «ракушкой». Не сегодня только, а завтра. Ты понял? Ровно в четыре, после школы. Не опаздывай. ...А если не придешь, – продолжил после паузы Сися, не глядя на неловко встающего с земли Аркашу, – я найду, где ты живешь, и узнаю, с кем, и всех их порежу. И мне ничего за это не будет.

– Сука! – взревел Новенький, которого снова начала захлестывать черно-красная волна. – Если ты хоть пальцем

тронешь Бабу Галю или Машку!..

Он осекся, ненавидя свою несдержанность почти с той же силой, с какой ненавидел этих двух подонков.

– Видишь, Бурый? – сказал Сися, не переставая смотреть на Новенького в упор. – Лох сам всё нам рассказал. Даже по району кружить не надо.

Он покосился на Пуха.

– Кстати, жиртрест, ты завтра тоже к четырем приходи. А то ты охуел что-то совсем, я погляжу.

– Ваще, братан! Берегов не видят! – привычно подвякнул Бурый.

– Рот закрой, – тихо сказал Сися.

Бурый закрыл. Пришедший в себя Пух постарался, воспользовавшись размолвкой мучителей, увести Новенького в сторону школы. Тот упирался – окровавленный подбородок, белые от ярости глаза, до синевы стиснутые кулаки.

– Пошли, надо перед уроками умыться, – тихо увещевал Аркаша. – Они забудут до завтра. Пойдем, Степа!

Услышав свое имя, Новенький словно бы моментально сдулся. Он вяло оттолкнул Пуха и побрел в сторону школы, хромя на ушибленную ногу. Бурый крикнул вслед:

– Пиздуй, Степашка! Приятно познакомиться!

Пух только сейчас сообразил, что случайно назвал Новенького по имени.

Сися добавил:

– Слышь, Бабе Гале привет передавай.

Танаис

219 год до н. э

Оно спало глубоко под землей, куда не проникал солнечный свет. Оно слышало шепот подземных ручьев и панику слепых червей, чувявших его присутствие.

Однажды оно ощутило шаги далеко наверху. Топот конских копыт. Крики – сначала ярости, потом боли, потом отчаяния, потом снова боли. Оно почувствовало вкус крови, напитавшей грунт на много метров в глубину. Оно улыбнулось в своем глубоком сне.

Кровь всегда была началом. Кровь была предвестницей веселого пира.

Потом кровь высохла, а сверху начали доноситься стук молотков, визг пил и гортанные выкрики строителей.

В строительстве не было ничего интересного.

Строительство означало конец. Голод. Скуку.

Оно спало.

– Танаис, ребята, к тому моменту – крупнейший культурный, политический и торговый центр Приазовья, был полностью разрушен племенами готов в 237 году нашей эры, – бубнила Ольга Васильевна. Саша Ровно подняла руку и нетерпеливо затрясла ей в воздухе, вызвав у учительницы недовольную гримасу. – Что?

– Ольга Васильевна, а можно вопрос на понимание? Даже два!

– Жополизка! – громко прошипел Питон; внимания на него никто не обратил.

– Быстрее давай, Ровно, – огрызнулась Ольга Васильевна. – У нас с вами еще очень много непройденного материала.

– Вопрос первый! А как мы так точно знаем, в каком году произошло... Ну, разрушение?

Историчка ответила специальным голосом, зарезервированным для вопросов Слегка Туповатых Детей:

– История, Саша, является точной наукой!

Не является, рефлекторно подумал Пух. История, как неоднократно говорил профессор Худородов, есть совокупность интерпретаций, которые к тому же в большинстве случаев предоставлены бенефициарами событий... На этом месте Пух обычно начинал стискивать челюсти, чтобы не зев-

нать. Сегодня он украдкой трогал те самые челюсти, пытаюсь понять, больно ему до сих пор или нет; кажется, было не больно. Бурый бил куда менее профессионально и жестко, чем его ублюдочный друг.

– ...А следовательно, – продолжала историчка, – мы оперируем фактами. Желаящим получше разобраться в предмете я могу порекомендовать обширный корпус внеклассного чтения!

– Второй вопрос! – быстро вклинилась Ровно. – А почему Танаис был разрушен? Вы же сами сказали, что это был большой город; наверное, его хорошо защищали, и как так получилось, что...

А вот это, подумал Аркаша, действительно интересный вопрос.

– Потому что варвары разрушали города, Ровно! – рявкнула Ольга Васильевна. – Вопросов больше нет?

Надо будет спросить у папы, решил Пух. Если, конечно, тот сможет оторваться от бесконечного мутного съезда народных депутатов по телевизору. И интеллигентных, но всё равно достаточно злобных проклятий в адрес Ельцина.

Аркаша аккуратно повернулся вполоборота к Новенькому, который пересел со своего обычного места на галерке поближе к своему неудавшемуся спасителю.

– Степ, – прошипел Пух. – Как с директрисой прошло?

– Нормально.

Новенький выглядел помятым и грязным, но он всегда вы-

глядел помятым и грязным, – сегодня, правда, облик дополняли распухшая губа и небольшой черный синяк под глазом (Питон осматривал всё это с огромным интересом, не переставая возбужденно втягивать в нос сопли). Час назад школьный фельдшер дал Степе таблетку аспирина, смазал висок йодом, прошипел себе под нос что-то подозрительно похожее на «ебучие подростки» и вернулся к чтению газеты «Аргументы и факты». Фингалы и разбитые лица были в 43-й школе не редкостью.

– Насколько нормально? – не унимался Пух.

– Соседка ей сама сказала. Записка не понадобилась.

– Значит, всё в порядке?

– Петренко! Худородов! – окрысилась историчка.

– Ладно, потом, – Пух поспешно уставился на доску.

Ольга Васильевна продолжила свой монолог о богатом городе, стертом с лица земли дикими ордами; Аркаша знал, что примерно так выглядела вся античная, да и значительная часть современной истории. То, что Танаис находился в нескольких десятках километров от места, где они сейчас сидели, большой роли не играло – древняя трагедия оставалась древней трагедией, и никак не хотела восприниматься иначе. Класс скучал и тихо занимался своими делами.

На перемене Пух догнал Новенького, всё еще пребывающего в зомбиобразном ступоре – дрожащие губы, бледное лицо, покрасневшие глаза, начинающий бледнеть синяк.

– Степа, подожди!

Новенький что-то пробормотал, продолжая смотреть в пространство перед собой.

– Че, гомики, поссорились? – заорал через всю рекреацию Питон, на которого снова никто не обратил внимания.

Пух был очень упрямым мальчиком. Несмотря на отмо-
роженность Новенького, отступить он был не намерен.

– Степа, нам надо понять, что делать дальше!

Эта фраза почему-то выдернула Новенького из ступора.

– Да что тебе от меня надо?! Отстань! – крикнул он.

– Так ведь... Что завтра-то делать будем?..

– Ничего не делай! Задолбал! Это вообще не твое дело!

– Голубые срутся! – ерничал в отдалении Питон. – Гомо-
секи!

Аркаша раздраженно схватил Новенького за плечо и по-
тащил вниз по ступенькам с третьего этажа, не переставая
шипеть ему в ухо:

– Да?! Не мое дело?! Они сказали, чтобы я тоже приходил!
Мы оба с тобой вляпались. И всё из-за тебя, придурок ты
неблагодарный!

Он выволок Новенького в залитый солнцем школьный
двор и остановился на полушаге и полуслове. Аркаша вдруг
понял, что никогда в жизни еще не испытывал такого бешен-
ства. И что, скорее всего, этот несуразный, длинный и зачу-
ханный парень сейчас его ударит.

Вместо этого Новенький впервые за последние четверть
часа посмотрел ему в глаза, подумал и после паузы сказал:

– Да, ты прав. Оба попали. Извини, что... Я так...

– Че случилось, лохотромы? Встряли в головняки без меня? Не ссать, дядя Витя всё порешает!

Крюгер вырулил из школьных дверей, оскалился и двинулся в их направлении своей прыгающей походкой. По своему обыкновению, он успел забыть о ссоре с Пухом – и вел себя так, словно Новенький, с которым он не обменялся за последний год и десятью фразами, был его лучшим другом.

– Пара-па-пам-па-пам! Чип и Дейл! Че-то там такое! – фальшиво спел Крюгер на мотив популярного мультфильма Уолта Диснея, после чего захохотал. Как показалось Пуху, несколько истерически.

Новенький снова оукуллся, и на Крюгера никак не отреагировал.

– Ладно, поняли, реально, что случилось? – Витя резко оборвал свою арию.

– Ничего, – буркнул Новенький и побрел обратно в сторону школы.

– Погоди, Степа. Давай ему расскажем. Одна голова хорошо, а две лучше!

– Три головы, – поправил Крюгер. – Правда, вы оба дебилы, так что реально получается на двоих как одна голова.

Пух извиняющимся тоном сказал Новенькому:

– Он просто, ну, всегда такой. Надо ему рассказать!

Новенький слабо кивнул, и они пошли по Буденновскому проспекту в сторону цирка. На следующий урок – ОБЖ –

можно было опоздать или вовсе не приходиться: военрук Сергей Семенович по кличке Эсэс ненавидел собственный предмет, кажется, еще сильнее, чем ученики.

Пух сбивчиво рассказывал Крюгеру о стычке с Сисей; Витя бегал кругами, выкрикивал ругательства и угрозы и блеснул очками. К концу короткого рассказа он пришел в натуральное неистовство.

– Ладно, поняли, по натуре хорошо, что рассказали. Что б вы без меня, блять, делали!

– Почему? – вдруг спросил молчавший до того Новенький. – Ты их знаешь?

– Этих не знаю, понял, так других таких же знаю, – неопределенно сказал Крюгер. – Не ссать, я с вами завтра пойду. Ситуация под контролем!

Фраза была подозрительно похожа на цитату из какого-нибудь видеосалонного боевика, но выбора у Пуха не было – Крюгеру необходимо было довериться вопреки всем сомнениям. Если существовала хотя бы мизерная вероятность, что Витя поможет разрешить ситуацию с гопниками, ее необходимо было использовать. А пропадать – так всем вместе! В том, что придется именно пропадать, Аркаша всё сильнее уверялся с каждой минутой. За последние несколько часов он перебрал все возможные варианты развития событий – и ни один из них не мог закончиться ничем хорошим. Как показал опыт мужчины с баллоном, на помощь прохожих и жителей Немецкого дома рассчитывать не приходи-

лось. Не прийти на стрелку? Отпадает: старшаки всё равно их выследят и изобьют. Рассказать родителям? Отпадает: они слишком увлечены Взрослой Хреновной по телевизору – а если бы и не были увлечены, то что бы они сделали? Сися был на голову выше его отца, а Бурый – в два раза шире. Пойти в милицию? Ну уж нет: милиция легко могла доставить куда больше неприятностей, чем районные гопники. Кроме того, ничего ведь еще не произошло – да, их с Новеньким слегка помяли, но дети ведь всё время дерутся... Пух вздохнул. И вздрогнул, потому что Крюгер со всей дури хлопнул его по плечу.

– Не ссы в трусы, Пуханыч! Я порешаю. Пацан сказал – пацан сделал!

Они развернулись и пошли обратно к школе, где уже подходил к концу урок ОБЖ. Питона, следовавшего за ними на небольшом расстоянии, так никто и не заметил.

А слух у Питона был превосходный. Школьный фельдшер всегда ему это говорил.

Бурый рассказывал долгую и бессвязную историю про одного хоря (т. е. девушку) из Вешенской, которому один его знакомый тип напихал в каску, но Сися не слушал. Слава, как его звали согласно свежеполученному паспорту, открывал-закрывал бензиновую зажигалку «Zippo»; всё, что буровил его товарищ, тонуло в мерном клик-клик, клик-клик, клик-клик. Мысли Сиси были далеко от их пропахшего кошачьей и человеческой ссакой двора, от старой покосившейся беседки, в которой они сидели, от нехарактерно для сентября душной ночи и уж тем более от недоделка Бурого.

— ...А он, короче, по ушам ей ездил, там, типа, посидим, потом сходим. А она че-то тоси-боси, я не такая, я жду трамвая, а он, короче, заебался, слышишь, по ебалу ей стукнул...

Клик-клик.

Сися был не просто крупным, а огромным для шестнадцатилетнего подростка — под два метра ростом, с валиками жира, покрывающего груды мышц. От него исходило... Он сам не знал, что именно, но факт оставался фактом: даже взрослые мужчины, способные постоять за себя, при виде Славы тушевались, прятали глаза и сутулились, инстинктивно стараясь казаться поменьше. Древний инстинкт хищника, встретившего более крупного и опасного хищника.

Клик-клик.

Окружающая беседку темнота вдруг уплотнилась, приняв форму приземистой фигуры с положняковой прической ежиком. Сися прищурился, пытаясь разглядеть, кто не зассал сам подойти на раздачу... И едва не подпрыгнул на месте.

– Шварц! Братан, здоров! Присядешь?

Бурый заткнулся и ошалело заморгал.

Шварц ничего не ответил, не поздоровался и не пожал Сисе руку (страшное нарушение пацанского кодекса чести!), опустил на скамейку, выудил из-за уха сигарету и вопросительно уставился на Сисю небольшими, близко посаженными глазами. Слава замешкался, потом всё понял, сделал клик-клик и поджег сигарету гостя. По уличным понятиям, делать это было западло: сигареты другим людям прикуривали халдеи и шестерки; то, что унижение случилось в присутствии ошалевшего Бурого, значительно усугубляло ситуацию. Сися не считал себя ни халдеем, ни тем более шестеркой, но Шварц заставил его подавиться пацанской гордостью, так и не сказав ни слова.

Наконец, Шварц заговорил.

– Че-как?

– Да ниче, просто, ну, сидим, пиздим, терки трем, – услужливо затараторил Бурый.

– Малолеток одних завтра наказывать будем, – перебил Сися.

– За какие косяки?

Бурый с обожанием уставился на Шварца. До этого они виделись всего пару раз; ну, как – виделись: Бурый случайно оказывался в присутствии этого невысокого жилистого пацанчика и потом несколько дней ходил под впечатлением. По четным дням двадцатисчеттолетний Шварц пропадал в качалке, по нечетным – в подпольной секции карате; его руки были оплетены мелкими злыми мышцами, а нос был не просто сломан, а неоднократно раскрошен, превратившись в уродливый отросток посреди лица. Ходили слухи, что Шварц отмотал пять лет в новочеркасской «малолетке», после чего вступил в бригаду Фармацевта, где пользуется славой наглухо перекрытого отморозка. Короче говоря, Бурый мечтал быть Шварцем, а Сися планировал стать Шварцем, причем в самом ближайшем будущем.

– Да охувевшие. На меня навывебывались, Буру за ногу укусили...

Шварц хмыкнул, выпустив изо рта сигаретный дым.

– За такое нужен спрос. Жесткий спрос, братан. Лохи если не уважают, это не только на тебе косяк – это на всём районе косяк, на всех нормальных пацанах.

Младшие серьезно покивали – воистину, Шварц был воплощением уличного кодекса чести.

Воплощение резко затянулось и продолжило:

– Я подтянусь.

– З-зачем? – вякнул Бурый.

Сися снова вклинился:

– Брат, нормально, мы порешаем. Че ты будешь... Там пиздюки реальные с восьмого класса, детский сад, трусы на лямках, гха-гха!

Вместо ответа Шварц щелчком бросил окурок Сисе в лицо. Полетели искры, Слава с ревом вскочил, одновременно хватаясь за щеку и пытаясь стряхнуть раскаленные точки со спортивного костюма «Adidas».

– Бля, че за дела?!

– Будешь мне указывать, что делать, – спокойно объяснил со скамейки Шварц, – я тебе глаза нахуй выковырну.

Челюсть Бурого в ужасе отвисла. Сися тер щеку, с ненавистью глядя на гостя беседки; на секунду его правый кулак сжался – но под спокойной одобрительной усмешкой Шварца тут же разжался обратно. Сися сдулся и сказал упавшим голосом:

– В четыре за гаражи придут.

– Вот и молодец, – издевательски ответил Шварц. – Всех вас, блядей, надо уважению учить. А то на словах не понимаете, борзеете, блять, думаете о себе что-то. А думать не надо. Нихуя хорошего от этого не бывает. Ладно, короче. Двину. Спокойной ночи, малыши.

Он хлопнул по коленям, поднялся и вышел из беседки. Перед тем, как снова раствориться в потемках, он что-то вспомнил и вернулся обратно.

– Слышь, Сисян. Пиздишь ты по-любому много, и сигарету подкуриваешь как шоху, но-о-о... Чуть на меня не рып-

нулся. Я видел, не менжуй, нормально. Почти прыгнул, гха.

Сися не знал, что ответить, поэтому неопределенно хмыкнул. Он не знал, куда идет этот разговор, и ему было очень страшно.

– Вижу, пацан ты духовитый. Не будешь хуевничать – может, с Фармацевтом познакомлю как-нибудь.

Ого! Сисю раздирали мысли и эмоции. Хоть краем соприкасаться с бригадой Коли Фармацевта было мечтой каждого третьего пацана в городе – это значило, что все твои вопросы решены, под жопой иномарка, а в кармане кожана лежит пресс дурного бабла. Хори при виде тебя текут, лохи паникуют, а мусора... А с мусорами у тебя дела и общие интересы. Сися собирался было сказать что-то восторженное, но Шварц не позволил себя перебить.

– А может, и не познакомлю – нахуй ему лохи всрались, которые малолеток не могут к ногтю прижать. Кусают их тут, блять... – Шварц зло хмыкнул. – Покажешь завтра, как лох тебя уважать должен. Я проверю.

– Брат, увидишь! Поломаю гондонов! – запоздало подкинулся Сися.

Но Шварц уже растворился в темноте, из которой так неожиданно появился.

Пух сам понимал, как странно это звучит, но – он начал скучать по урокам игры на фортепиано. Оказывается, они удивительным образом структурировали его жизнь: школа была скучной необходимостью, фортепиано было мучительной и тоже скучной необходимостью, но после всего этого была – свобода!

Под свободой Аркаша понимал чтение свежего фантастического романа или работу над свежим фантастическим романом – последний сочетал в себе (и, разумеется, по всем параметрам превосходил) сюжетные линии «Звездных войн», книг Гарри Гаррисона и странноватого болгарского комикса, который Пух купил в магазине «Филателия» на улице Энгельса (сэкономив деньги на завтраках). Комикс был потрепанный и с очевидным уклоном в космическое софтвер-порно; болгарский язык выглядел диковато: написано всё было вроде как кириллицей, но предельно непонятным образом. Пух догадывался, что происходит в произведении, по контексту; картинки давали некоторое представление о сюжете. Сюжет, правда, был таким, что Пух на всякий случай хранил книжку в дальнем углу своего шкафчика, с носками и трусами, – родителям незачем было знать о приключениях полногрудых звездных воительниц. Лишнее это.

Еще взясь ключом в замке, он услышал мамины всхли-

пывания. Пух замер, пытаясь унять колотящееся сердце. Что случилось?!

– Аркаша, это ты? – прерывисто сказала Софья Николаевна.

Пух швырнул портфель в прихожей и кинулся в гостиную. Никого постороннего дома не было; мама, кажется, выглядела обычным маминым образом, – что же тогда стряслось?

– Куда в уличной обуви?!

А, ладно. Значит, всё в порядке.

Аркаша вернулся в прихожую, выковырнулся из кроссовок производства обувной фабрики имени Микояна и пошел на второй заход. На сердце было по-прежнему спокойно.

– Мам, почему ты плачешь? Кто тебя обидел?

– О, сын, обидел – это не то слово, – театрально сказала мама, блестя заплаканными глазами.

Пух озадаченно заморгал, ожидая объяснений, – он знал, что они обязательно воспоследуют.

– Твой отец причинил мне невыносимую боль!

– Что?! Мам!.. Надо звонить в милицию! Почему?! Как он...

Аркаша понял, что сейчас и сам заплачет. Профессор Худородов был тишайшим и безобиднейшим мужчиной, неоднократно и недвусмысленно порицавшим домашнее насилие; он считал, что только животные и быдло причиняют боль членам собственной семьи. Выражения, в которых папа разглагольствовал на эту тему, Пуха всегда немного сму-

щали, хотя он даже самому себе не мог толком объяснить, почему.

– Аркадий! Как ты посмел решить, что папа мог причинить мне физическую боль?!

Всё резко стало еще менее понятным. Пух вздохнул.

– Он что-то сказал? Мам?

– Не что, а как!

Пух выждал еще несколько секунд. Мама продолжила:

– Он обозвал Ельцина алкашом!

Аркаша закатил глаза и с облегчением выдохнул.

– Безусловно, Аркаша, ты слишком молод, чтобы в полной мере осознать трагизм ситуации, – продолжила Софья Николаевна. – Но ты обязан понимать: судьба нашей страны висит на волоске! Конечно, Борис Николаевич не идеален, – но кто в таком случае идеален?! Я всей душой желаю ему успеха в его нелегком деле! В России всегда ненавидели реформаторов, всегда цеплялись за подонков и ретроградов вроде этого солдафона Руцкого, которого обожает твой папаша... Так, ладно, рано тебе еще... Там котлеты на плите, ты голодный?

Не дожидаясь ответа, она вздохнула и покачала головой.

– Руцкой!.. Да как он вообще может...

– Мам, может, «Лунную сонату» сыграем? – неожиданно для себя ляпнул Пух, уже нацелившийся было на котлеты.

– Не сегодня, сынок. Я не очень хорошо себя чувствую. Завтра сыграем, честное слово, – вяло ответила Софья Ни-

колаевна. — Скажи, родной, ты можешь включить телевизор? Меня одолела слабость...

Он подошел к телевизору и ткнул соответствующую кнопку, покосившись на маму, — нет, никакая слабость ее, судя по всему, не одолела. Это продолжалось уже несколько дней. Софья Николаевна прикидывалась смертельно ослабевшей, лежала в спальне с холодным компрессом на лбу, демонстративно не разговаривала с папой и не мучила Аркашу вопросами о том, что сегодня проходили на уроках.

Не то чтобы он так уж сильно хотел сыграть «Лунную сонату», нет, — но Пух никак не мог свыкнуться с ощущением, что больше не является центром маминой вселенной. С другой стороны, это означало, что никто сегодня не помешает ему написать еще одну главу фантастического романа... Но работать над произведением тоже не хотелось. У Аркаши было странное ощущение, что он не заслужил эти два часа с ручкой и grossбухом в красной обложке: не отмучился предварительно с фортепиано, не ответил на мамины вопросы про школу... Взрослая Хренотень полностью разрушила весь привычный распорядок дня.

С другой стороны, получалось, что у него впереди свободные полдня — и можно будет попытаться придумать, как выпутаться из ситуации с Сисей и Бурым...

Пух завернул на кухню, съел холодную котлету прямо со сковородки и отправился к себе в комнату. Он закрыл дверь, для верности подпер ее стулом и полез в шкафчик с трусами

и носками...

– Так че, а где Шварц? Он, по ходу, прообещался...

– Ебало завали, – огрызнулся Сися.

Бурый завалил. Оба были нехарактерно дерганные: хрустели суставами, мелко плевали себе под ноги, облизывали губы, словно в приступе жажды. Рутинное наказание малолеток превратилось в нервное мероприятие с неясным исходом.

Было без десяти четыре. Южное солнце пекло макушку, во дворе Немецкого дома было тихо – не орали друг на друга соседки, не перекликались с балконов алкаши, не торопились с работы лохи.

Шварца видно не было. Сися почти убедил себя, что тот забыл о своем обещании поучаствовать в экзекуции и, наверное, пыхтит сейчас в качалке под весом штанги или занимается еще какими-нибудь упоительными делами начинающего бандоса. Сися снова мелко сплюнул себе под ноги. Блять! Этими делами должен заниматься он – вместо того, чтобы дожидаться каких-то недоделков, с которыми ему и связываться-то было запаadlo.

– Хоба-цэ, а вот и пиздюки! – прошипел Бурый. С его плеч спал груз долгого ожидания. – Зырь, братан! Жалко их даже.

Восьмиклассники и в самом деле выглядели достаточно жалко. Залитый свекольным румянцем Пух еле воло-

чил ноги – казалось, ему дорогá каждая секунда, оставшаяся до неминуемой расправы. Новенький пребывал в своем, как сказал бы Крюгер, зомби-режиме – отрешенный взгляд, бледное лицо, приоткрытый рот. Сам Крюгер при этом страшно бодрился, дергался и стискивал кулаки. Он явно считал, что ситуация была под контролем.

– Э, але, – рявкнул он.

– Ты еще что за залупа? – с веселым удивлением поинтересовался Бурый. – Подписка у этих демонов, что ли?

(Подпиской на юге России называли кого-то (как правило, старших родственников мужского пола), способного порешать и разрулить; выдернуть жертву из когтей жизненных обстоятельств; пояснить и раскидать, избежав потери денег, здоровья, самоуважения или всего этого сразу.)

– Вить, хватит, – в панике прошипел Пух.

Крюгер стиснул кулаки и рванул по направлению к старшакам; в стеклах его очков блестела ярость берсерка.

Сися молча пробил ему правый прямой. Поставленный удар швырнул Витю на землю, покатил по земле, вывалил в пыли и оставил лежать на пяточке между гаражами. Чудом не разбившиеся очки улетели в пыль. Бурый заухал.

Вот тебе и контроль над ситуацией, горестно подумал Пух.

Новенький продолжал смотреть в точку, расположенную в десяти сантиметрах над Сисиной макушкой.

Не обращая внимания на распластанную жертву, Сися в

упор устоялся на Аркашу.

– Это твоя подписка, что ли? Еб твою, жирный, мог бы че-то по-другому порешать.

Пух в ужасе смотрел на него, хлопая глазами и шевеля губами.

– Не слышу, блять?! – рявкнул Слава.

– Извини, – ляпнул Пух первое, что пришло в голову. Ничто из его жизненного опыта не готовило его к тому, что сейчас происходило.

– Поздновато извиняться, жиробасина! – торжествующе вставил Бурый.

Крюгер отскреб себя от земли, поднял очки и выпрямился, полыхая яростью. По его глазам было видно, что он готов прыгать на старшаков снова, и снова, и снова – пока не померет или как минимум не получит серьезные увечья.

Парализованный страхом Пух вдруг понял, почему Витя с такой готовностью впрягся за них со Степаном.

– Ладно, жиртрест, начнем с тебя, – сказал Сися. – Я с пониманием, что ты не при базарах – за лоха впрягся и выгреб. Ну, будешь знать, как с ебанутыми корешаться.

Новенький прошипел:

– Убью!..

Сися не обратил на него внимания, продолжая обращенную к Пуху обвинительную речь. По законам улицы, чмошник должен был понимать, за что его наказывают, чтобы впредь не совершать непростительных проступков.

– Так что по легкой с тобой сегодня, свинина, – палец тебе сломаю. А, не, обожди, два пальца, гха-гха! Зато, слышишь, пруха тебе сегодня – сам выберешь, какие ломать.

Бурый истерически засмеялся, – но смех его прервал знакомый некоторым присутствующим голос:

– Э, братан. Братан! Ты че как баба? Че за выборы, блять? Поясняешь им, поясняешь – а всё равно пидорасничают. Поэтому об вас вся мразь ноги и вытирает на районе.

Из арки неспешно выдвинулся незнакомый старшак в кожане. Переломанный нос пеньком торчал на его плоском лице, а короткая стрижка была почему-то наполовину седой. Пух, никогда ранее его не видевший, подумал, что Сися и Бурый на его фоне выглядят как лохи из хора при Дворце культуры Обувной фабрики. Бравада Крюгера моментально сошла на нет – ситуация стала откровенно стремной.

Шварц не обратил внимания на протянутую Сисей руку, порывлся в отвисшем кармане своих треников и вынул оттуда нож-выкидуху.

Лезвие щелкнуло и поймало луч вечернего солнца.

Сися отшатнулся, выпучив глаза.

Пух описался и побежал прочь, не разбирая дороги. Никто не попытался его остановить.

– Я тебя сейчас научу, – Шварц протянул Сисе нож, который тот неохотно взял, стрельнув глазами на пустые балконы. – Вон тот жирный сдриснул, да? Ты тему просек?

Он выжидательно посмотрел на Сисю, который непони-

мающе помотал головой. Шварц поморщился.

– Блять, че ты тупишь? Он, по ходу, не уважает тебя, понял? Срал на тебя, на твои постановления, на твой район.

– Так я... э-э-э... чего теперь?.. Он хер знает куда уже упиздячил...

Шварц недовольно сплюнул.

– Другому обсосу за него поясни. Любого выбирай – вон того гондона потыкай, чтобы мамка не узнала.

– Сука! Не смей о маме!.. – Новенький, о котором шла речь, затрясся крупной дрожью.

Брови Шварца поползли на лоб. Он выглядел по-настоящему, непритворно удивленным – даже, кажется, шокированным, – но через секунду справился с недоумением, хмыкнул и забрал нож из потной Сисиной ладони.

– Нет: тебя, блядина, я сам порежу...

– Никого ты не порежешь.

Шаман вывернул откуда-то из-за гаражей, спокойно улыбаясь. На лбу у него блестели капли пота, футболка и даже шорты были покрыты влажными пятнами, – но, несмотря на только что закончившуюся интенсивную пробежку, дышал он ровно и выглядел абсолютно свежим.

– Уебывай отсюда, – рыкнул Сися, принявший Шамана за случайного физкультурника.

Неожиданно Шварц больно пнул его в бедро.

– Базар фильтруй, – шикнул он. – Это Шамана Большого брательник.

– Пи-и-издец, – обреченно выдохнул Бурый.

Шаман Большой был правой рукой Фармацевта – и закусываться с его братом можно было не на шутку заебаться.

– Слышишь, Шаманенок, – аккуратно начал Шварц.

Саша отреагировал молниеносно и в полном соответствии с бригадным этикетом:

– Ты меня на слышишь не бери, слышишь.

– Вопрос вообще не твой, – вкрадчиво продолжил собеседник. – Ты иди своей дорогой, нормально всё.

Шаман повернулся к одноклассникам, словно Шварца больше не существовало. Он хлопнул Новенького по плечу, отряхнул грязнящего Крюгера и спросил:

– В порядке, пацаны?

Крюгер, успевший забыть о недавней боли и унижении, энергично закивал. Он словно бы провалился в боевик с Чаком Норрисом!.. Точнее, нет – с Чарльзом Бронсоном! «Жажда смерти 5»!

Новенький исподлобья рассматривал старших пацанов и шевелил губами, словно что-то высчитывая. Наконец он кивнул своим мыслям и отвернулся.

Шварц помялся, потом сложил нож, сунул его в карман и повернулся к Сисе (он второй день подряд делал вид, что не замечает Бурого).

– Ладно, прем отсюда. Потом порешаем.

– Валите нахер, мудаки вонючие! – радостно крикнул Крюгер.

Это была, как говорили в другом боевике, большая ошибка.

– А то что ты сделаешь? – обернувшись, вкрадчиво поинтересовался Шварц. Его глубоко посаженные глаза нехорошо блеснули, а в руке сам собой снова образовался нож.

Улыбка Шамана слегка померкла – точнее, превратилась в оскал.

Бурый, в попытке разрядить ситуацию, примирительно выставил руки и обратился к Шаману:

– Ты это, слышь!.. Твой брательник за лошню бы не впрягся. Не позорься!..

– А то что ты сделаешь? – эхом ответил Шаман. Не дождавшись ответа, он добавил: – Я за брата не решаю, он за меня тоже. У каждого свои расклады. Короче, долго моросить будем? Биться готов?

Бурый показал всем своим видом, что не готов, и умоляюще уставился на Сисю. Тот отвернулся.

Шварц скривился, снова убрал нож и пошел по направлению к арке. Шаман, не повышая голоса, сказал вслед:

– Вопросы остались – найдешь меня.

По напрягшейся спине Шварца было понятно, что он всё услышал.

Шаман повернулся к Крюгеру с Новеньким и улыбнулся обычной, не страшной улыбкой.

– Че-как, парни? Чего загрустили? Пошли газировки попьем, сушняк пиздец!

Питон, наблюдавший за этой сценой из темного вонючего проема между гаражами, не мог поверить своим ушам. Глазам он тоже поверить не мог.

- Но зачем?!
- Что «зачем»?
- Зачем он за нас вписался?

Помятые, но не сломленные Крюгер с Новеньким пробирались по шанхайским кушерам по направлению к 5-й линии.

Их спаситель четверть часа назад двинул в сторону ЦГБ – предварительно, как и обещал, напоив их минералкой из магазина «Маяк». Лимонад Шаман покупать отказался («Нахера вам столько сахара в крови, парни?»), вместо этого угостив одноклассников горьковатыми «Ессентуками», – Крюгер всё еще ощущал медный привкус у основания языка и периодически шумно порывивал.

– А чего нет-то? – сказал нехарактерно разговорчивый Степан. На его щеках впервые за долгое время заиграл румянец, глаза приняли осмысленное выражение, а в голосе проснулись энергичные нотки.

Крюгер вздохнул.

- Потому что мы лохи, понял.
- Я не лох! – взорвался Степа.
- Да лох, лох. И задрот еще. Я тоже лох, понял. Никто не впрягается за лошпетов. Мы, короче, по жизни сами за себя.
- Так а чего он тогда?

– Да хер его, короче, знает. Что-то тут не так. Чуйкой чую, надо с ним осторожнее, понял.

– В каком смысле?

Витя пнул чей-то забор и шарахнулся в сторону от донесшегося из-за него истерического собачьего лая.

– По ходу, они в одной теме.

– Я не понимаю... Ты можешь нормально объяснить?

– А говоришь, не лох! Да короче, ну, стопудняк они вместе мутят, чтобы мы расслабились, а потом нам вообще, понял, пиздец.

Новенький мотнул головой и ускорил шаг. Уже темнело; Баба Галя в ее состоянии вряд ли за него беспокоилась, а вот он за нее – еще как. Хотя бы с Машкой всё было, кажется, в порядке: кошка обожала подаренную Бычихой селедку, которая всё никак не иссякала. Бока у зверька округлились, шерсть заблестела; Машка быстро перестала быть похожей на ободранную уличную бродяжку и обрела свойственное благополучным кошкам царственное выражение лица. То есть морды. Степа впервые за месяцы улыбнулся своим мыслям.

– Всё, Вить, пришли. Я тут живу. Пока, в школе увидимся. Тебя, наверное, дома ждут, волнуются.

Крюгера такими конскими заходами было не пронять.

– Ты про Пуха не забыл, нет?

За всеми злоключениями и последовавшим за ними чудесным избавлением Новенький, конечно же, о Пухе забыл.

Переждав, пока острый укол совести перестанет ощущаться, он осторожно ответил:

– А что мы, ну... Что с ним делать-то будем?

Степа так давно был изгоем, что успел забыть, как вести себя со сверстниками; тем более он успел забыть, что такое друзья. Даже до... всего друзей у него особо не было: так только, дети родительских приятелей и толстый мальчик Володя, с которым они познакомились позапрошлым летом в Дивноморске. С Володиёй они некоторое время обменивались письмами – Степа даже отправил ему пару ненужных вкладышей; правда, почерк у Володи был такой чудовищный, что переписка сама собой заглохла. В любом случае, всё это к ситуации с Пухом не подходило. Степа не понимал, каких слов и действий Крюгер от него ожидает в контексте Аркашиного позорного бегства. Может, надо гыгыкнуть, как принято у старших пацанов из Сисиного окружения? Или пожалеть описавшегося одноклассника? Или пожалеть, но как бы с юмором? Новенький растерялся.

– А вот ты мне и скажи, понял.

Крюгер прищурился за грязноватыми стеклами очков. Его лицо ничего не выражало, никаких подсказок из него почерпнуть было невозможно. Это, очевидно, было какое-то испытание. А испытания успели уже задолбать Новенького со страшной силой.

– Слушай, Витя. Не знаю, что ты там... В общем, надо к нему идти. Узнать, как он. Вдруг помощь нужна.

Новенький ожидал, что Крюгер скажет какую-нибудь гадость или издевательски захохочет над проявленной слабостью, но ему было наплевать.

Вместо этого Витя выдохнул, сразу в полтора раза уменьшившись в размерах, потупился и подозрительно шмыгнул носом.

– Ты это, ну, понял... Всё правильно.

– Но!.. – начали они хором.

Осеклись.

– Давай ты, – снова хором.

Осеклись.

Заржали.

Снова осеклись – испугавшись многоголосого взрыва лая из темноты.

– Блять, короче, – рявкнул Крюгер. – Если ты при нем вспомнишь, что он обоссался, я тебе душу вырву!

Новенький не знал, что его новый друг (а минуту назад они стали именно что друзьями) почерпнул страшное выражение про душу из ужастика «Восставшие из ада» – и всё ждал случая, чтобы к месту вернуть его в разговор.

– Ты-то что говорил? – напомнил Витя, всё еще злобно пыхтя.

– Я говорил, что мне надо кошку покормить и проверить, как там бабушка, и если ты что-то по этому поводу скажешь, то я тебе по жопе надаю!

Крюгер молча отмахнулся, наугад отломал от ближайшего

куста ветку и начал отрабатывать приемы ниндзюцу, почерпнутые из фильма «Убийцы сегуна» («шогона», как это слово было написано на бумажке у видеосалона в ДК Обувной фабрики). Точнее, мысленно поправил себя Крюгер, приемы кенпо. Так это правильно называлось!

На этом отрезке 5-й линии работающих фонарей почти не осталось: некоторые перегорели, другие были разбиты аборигенами в рамках демонстрации молодецкой удали. В темное время суток Новенький давно ориентировался на интуиции и по звукам, как летучая мышь; сегодня, правда, добавился неожиданный, уже полузабытый запах. Баба Галя жарила картошку на крохотной конфорке, тихо напевая себе под нос. Это была старая донская песня про молодого казака, возвращавшегося с войны, – он оступился на мостике, грохнулся в реку и был спасен прекрасной девушкой, на которой «женился он той же весной». Картофельный ритуал был за многие десятилетия бабушкиной жизни отработан до такого автоматизма, что зрение ей не требовалось. Картофелины еще утром начистил Степа; Баба Галя жарила их наощупь, глядя перед собой затынутыми катарактами глазами.

Машка натиралась о бабушкины ноги и громко, как отсутствующий у них холодильник, урчала.

Степа замер, растворившись в мгновении нормальной жизни ростовского восьмиклассника, – жизни, которую у него отняли много месяцев назад. Хотелось поставить происходящее на паузу, как умел делать видеомагнитофон

«Электроника ВМ-12»; перемотать пленку назад до момента, когда...

– Ба, привет! Так вкусно пахнет!

Баба Галя улыбнулась, не поворачиваясь к нему.

– Таня очень проголодалась.

По спине Степана словно просеменила огромная ледяная сороконожка.

– Давай, Степочка, мой руки, сейчас ужинать будем.

– Я... Да не, я у друга поел, – запинаясь, выдавил он из себя. – Ба, мне там надо, ну, помочь. Я скоро приду.

Он вылетел обратно на улицу, сопровождаемый радостными возгласами:

– Ладно, садимся без тебя! Таня страшно голодная!

Не было еще и семи часов, но город окутала ночь – на юге день всегда сдавался ей без боя, на несколько минут моргнув на прощание закатом. До перекрестка Текучева и Подбельского (никто так и не называл этот переулок его новым именем Соборный), где жил Пух, они с Крюгером дошли в полном молчании. Даже Витя, которого в младших классах учителя называли Электровеником, вымотался – день выдался богатым на события, плюс близился неизбежный момент возвращения домой.

У нужной девятиэтажки Новенький замешкался.

– Слушай, Вить, а мне точно надо идти? Просто его родители меня не знают, подумают еще, что я...

– Так и знал, что ты засышь! – рявкнул Крюгер, тут же

пожалевший о выбранном выражении. Аркаша жил на четвертом этаже и вполне мог слышать, что происходит под окнами.

Для убедительности Витя плюнул Новенькому под ноги, развернулся и замаршировал к подъезду. Степа неуверенно двинулся следом.

В лифте Крюгер старательно делал вид, что кроме него в скрипучей железной коробке никого нет: морщился от вони и читал надписи на стенах, которые и так знал наизусть.

Звонок он нажал коротко и резко, выждал три секунды и навалился на него всем весом – за истерическими трелями не было слышно, что происходит внутри и идет ли кто-то открывать.

– А ты уверен, что эта та квартира? – спросил Новенький.

– Я уверен, что пошел ты в сраку.

Наконец, заскрежетал замок и дверь приоткрылась. Софья Николаевна выглянула, сориентировалась в ситуации, откинула цепочку и открыла уже по-настоящему.

– Добрый вечер, Витюша. Добрый вечер, не знаю, как вас зовут, молодой человек.

– Степа, – быстро сказал Новенький.

– А Пух, то есть Аркаша, дома? – спросил Крюгер.

– Разумеется, где же ему еще быть? – Софья Николаевна вскинула брови в неpritворном удивлении.

– А позовите его на минуточку?

– С какой целью?

Это было совсем не похоже на Софью Николаевну. Она всегда радовалась, что у Пуха имеется самый настоящий друг, и приглашала Витю («Витюшу») зайти выпить чаю с печеньем и джемом. По причинам, которые он не хотел объяснять даже самому себе, Крюгер неизменно отказывался.

– У нас вопрос по домашке по химии, – неожиданно встрял Новенький. – Завтра контроша, а мы без Аркадия не понимаем ничего. Он по химии главный спец в классе! Царь и бог!

Ого, подумал Крюгер. А Новенький-то не промах! Ну, то есть лох и задрот, конечно, но всё равно соображает, что к чему. Разумеется, никакой контроши завтра не было, а если бы и была, то Пух им был бы не помощник – в химии он не понимает, как говорили заседающие у гаражей мужики, «ничего от слова нихера».

– Ах, ну конечно! Зайдете, ребятушки? – разулыбалась Софья Николаевна.

Оба, не сговариваясь, замотали головами – сегодня у них был вечер синхронного исполнения.

Дверь закрылась и после небольшой, но неуютной паузы снова приоткрылась. Пух выскользнул на лестничную площадку и настороженно оглядел гостей.

– Аркаша, с тобой всё... – начал было Новенький.

Договорить не дал Крюгер, с радостным ревом заключивший Пуха в объятия.

– Че-как, мудила?! Срулил куда-то, без тебя, понял, всё

не то, никто не ноет под руку!

Все выдохнули. Ровно так и должны себя вести друзья в таких случаях, понял Новенький, – как будто ничего не случилось. Да, всё правильно.

Пух искренне, легко засмеялся – и порывисто обнял Новенького. Они постояли так с полминуты втроем, обхватив друг друга за плечи и пересказывая Пуху то, что тот пропустил, после чего Крюгер вырвался, с притворным отвращением встряхнулся и сказал:

– Ладно, задрали своими обнимашками гомосячьими. Всё, расход, у меня дела, поняли.

– Подожди, – сказал Новенький. – Аркаша, а как твои родители отреагировали на... ситуацию?

Пух поморщился.

– Да никак не отреагировали, им сейчас вообще не до меня. Я домой пришел, а они от телевизора не оторвались даже. Да ну, короче...

Они попрощались. Крюгер принял боевую стойку и с гортанным криком стукнул кулаком по кнопке вызова лифта; повеселевший Пух скрылся было в недрах своей квартиры, как вдруг, что-то вспомнив, высунул из-за двери голову и блеснул глазами.

– Слушайте, а Шаман-то, а?! Наверное, он один троих этих придурков может раскидать! Машина!

Крюгер скривился.

– Ты это, Пух, короче, не гони лошадей. Я тут Новому уже

пояснил: поаккуратнее надо с Шаманом, мутный он, понял. Как бы, по ходу, не грохнул нас...

– Всё хорошо, что хорошо кончается, – вставил Пух мамино любимое выражение.

Но ничего еще даже близко не закончилось.

– Ствол держи.

Шаман отшатнулся:

– Что?! Не, Лех, я к плетке не притронусь!

– Рот закрой, дебил, блять, – зашипел Шаман Большой.

Его младший брат вжался поглубже в кожаное сиденье «девятки», безуспешно стараясь увеличить расстояние между собой и пистолетом.

На ВАЗ-2109 ездили бандиты в середине карьеры: не совсем пехота, которая в лучшем случае довольствовалась битыми-перебитыми «восьмерками», а то и вовсе раздроченными «москвичами», но и не высшее руководство бригад – те считали ниже своего достоинства автомобили, не являющиеся «бэхами» или «меринами». У «девятин» тоже имелись градации: штатные цвета, комплектации и обвесы считались легким лоховством; машину следовало либо сразу брать в Тольятти в премиум-варианте, желательно цвета «мокрый асфальт», либо, если это было невозможно, сразу после покупки сдавать в Нахичевань в автомастерские – там армяне перетягивали салон кожей, перекрашивали агрегат в положняковый цвет и снимали глушитель, чтобы на районе издали было слышно, кто выехал по важным пацанским делам. Леха Шаман лишнего шума не любил, поэтому глушак попросил оставить – зато кожу салона приказал отделать

красными стежками, чтобы было «вообще в порядке».

«Девятка» с выключенными фарами стояла у большого дома в частном секторе Западного жилого массива – колонны, башенки, мансарда над вторым этажом и все остальные атрибуты южной гангстерской архитектуры. Припарковаться было негде из-за десятка «бэх», «меринов», «ауди» и джипов – гостей сегодня было много.

Сквозь панику Саша слышал взрывы пьяного женского смеха, отголоски шансона, веселые матюки и чей-то шалопинский бас; на всю улицу пасло свиным шашлыком. Обычный вечер у Коли Фармацевта.

Шаман-младший не понимал, почему брат сегодня такой дерганый, – обычно он влетал домой к боссу, открывая дверь с ноги, после чего веселье неизменно заходило на новый круг. Еще меньше логики было в ситуации со стволом: Леха никогда не расставался со своей «тэтэшкой», сейчас хищно поблескивавшей в свете близкого уличного фонаря.

– Там мусора у него, – нервно ответил Шаман Большой на незаданный вопрос. – По тачилам видно. Бери ствол, не жужжи. На семь минут чисто зайду поздороваться.

Саша прекрасно знал, что имеет в виду брат. Расклад был не «милиция приехала арестовывать главного бандоса Ростова», нет. Скорее, «к главному бандосу Ростова приехали в гости продажные и очень опасные погоны, чьего внимания к себе лучше не привлекать – целее будешь».

– Лех, мне с собакой еще погулять надо. И я на тренировке

уштался. Прем домой, – сделал еще одну попытку Шаман Маленький.

– Завали, короче. Сиди на жопе ровно, я скоро, еще на Хрюшу со Степашкой успеешь.

Алексей оскалился, бросил «тэтэшку» брату на колени и полез из машины.

Они были похожи: одинаковый жиганский блеск в глазах, широченные плечи, голливудские улыбки. Но Шаман Маленький излучал что-то такое, от чего его обожали дети, бабушки и кошки (не говоря уже о телочках), в то время как его брат обладал аурой угрозы – «жди горя в семье», как с фрикативным «гхэ» формулировали его соратники по бригаде. Он казался (и был) очень опасным человеком.

– Сиди, – повторил Леха снаружи и зашагал к дому Фармацевта.

Саша в ужасе уставился на пистолет, поднял его трясущимися руками и постарался засунуть в карман олимпийки «Reebok». Ствол цеплялся за молнию и не лез. Шаман прошипел ругательство и открыл бардачок, о чем сразу же пожалел – оттуда вывалилась гора целлофановых пакетов, засаленных оберток от бургера «Московский» (также известного как «Разорви Ебало»), скомканных чеков и прочей дряни.

– Да блять, – в панике выдохнул Саша, пробуя запихать ТТ в проем между сиденьем и ручкой переключения передач.

В окно «девятки» постучали.

Шаман дернулся, боясь отпустить ствол, и встретился гла-

зами с человеком в милицейской форме.

Тот был невысокий и жилистый – фуражка казалась на нем огромной, ее тулья по-пиночетовски загибалась вверх. На погонах было по одной крупной звезде – товарищ майор. Это было очень, очень плохо. Майоры милиции были волками – вечно голодными, злыми, всегда готовыми разорвать жертву. С летехой или капитаном можно было договориться, дать денег или даже порамсить; подполковники и выше уже не охотились сами – им заносили доляны прямо в кабинеты, и их не интересовало ничего, кроме ежемесячных конвертов, водки, блядей и банкетов в «Петровском причале» на левом берегу Дона. А вот майор всегда готов был вцепиться в глотку. Иногда – в буквальном смысле.

Волк еще раз стукнул в стекло «девятки» и спокойно сказал:

– Вышел сюда бегом.

По голосу было件нятно, что майор с нетерпением ждал неповиновения.

Шаман аккуратно разжал пальцы, позволив пистолету соскользнуть в щель, и нехотя выкарабкался из машины. Что делать дальше, он не знал, поэтому молча испуганно уставился на волка.

– Уши греешь, блядина? – без зла, даже как-то ласково поинтересовался милиционер.

– Товарищ подполковник, вы чего! – Шаман знал, как нужно усыплять бдительность людей в погонах.

Расчет не подвел: волк снисходительно ухмыльнулся.

– Майор пока.

Обнадеженный Саша продолжил:

– Меня брательник попросил за машиной глянуть, пока он...

– Попизди мне, – всё так же мягко перебил милиционер. – От Фармацевта не угоняют, а если угонят, то утром две вернут. Ты что, сучонок, за фраера меня держишь?

Блатное словечко странным образом не противоречило майорским погонам – наоборот, прозвучало максимально естественно. Голос волка, впрочем, начал подрагивать от сдерживаемой ярости.

– Весь город, сука, знает: у Коли на улице можно хоть машину оставлять, хоть целку-семиклассницу – всё будет в целости и сохранности. Кроме целки, га-га.

Он засмеялся собственной шутке, явно рассказанной не в первый раз. Шаман сообразил, что товарищ майор, по ходу действия, слегка в говнецо – может быть, он просто покуражится и не полезет копать в «девятке», в недрах которой лежала «тэтэшка» со спиленным серийным номером.

– Хорош придуряться, пионер, – вдруг гулко сказал майор. – За мной пошел. Расскажешь дядям, чего тебе по ночам не спится.

Он развернулся и пошел к дому Фармацевта, не дожидаясь реакции Шамана, – майор знал, что приказ будет исполнен. Саша поплелся следом, испытывая смесь страха и об-

легчения – страха по понятным причинам, а облегчения потому, что с каждым шагом увеличивалось расстояние между ним и палевным ТТ. О том, что будет, если майор найдет ствол, даже думать не хотелось.

– Пал Саныч! Отставить тревогу! Я мелкому по натуре сказал в тачке обождать.

Шаман Большой возник на ступеньках дома, сияя широкой (и несколько натянутой) улыбкой. Саша достаточно хорошо знал брата, чтобы понять: «на семь минут поздороваться» явно прошло не так, как было запланировано.

Майор Ростовского-на-Дону ОВД на транспорте Павел Александрович Азаркин остановился и с неудовольствием посмотрел на старшего Шаманова.

– На семь минут оставил, – продолжал Леха, – а уже при-
вод в милицию!

– Не рано брательника к темам начал подтягивать, Шаман? – спросил майор. – Смотри, сегодня уши греет, завтра шваркнет кого-нибудь.

– Я не подслушивал!.. – вдруг взвился Саша, и тут же умолк от выданного братом тяжелого «леща».

От неожиданности он отшатнулся, но боксерские инстинкты взяли свое: кулаки сжались, руки взлетели к подбородку, правая ступня двинулась назад, принимая боевую стойку. Майор Азаркин рассмеялся.

– Ты смотри, Шаман, полоснет тебя во сне, а мне потом раскрывать преступление века.

Леха, с чьего лица давно сошла улыбка, рявкнул на брата:
– В машину сел!

Саша сдулся и полез на пассажирское сиденье. Раздосадованный Шаман Большой злобно сказал волку:

– Отдыхайте, товарищ майор. Здравия желаю.

Он дернул дверцу, упал на сиденье и резко рванул «девятку» с места.

Азаркин вынул из кармана пачку сигарет, закурил, проводя машину взглядом, и сказал, словно продолжая разговор с Лехой Шамановым:

– Если, конечно, тебя Фармацевт раньше в землю не положит.

Урок литературы обошелся без происшествий – роман «История одного города» Салтыкова-Щедрина, главы из которого нараспев зачитывал учитель Олег Федорович по прозвищу Аллигатор, словно высасывал из 8-го «А» жизненные соки. Пух аккуратно огляделся, высматривая друзей, но сразу же наткнулся на взгляд Питона – тут буравил Пуха глазами и улыбался, как будто ему рассказали очень смешную шутку. Аркаша быстро отвернулся, успев заметить, что Чупров подмигнул ему сразу обоими глазами.

Прозвенел звонок. Перемена была короткой – только чтобы собрать вещички, пересечь коридор и снова всё разложить на партах в кабинете истории. В процессе Крюгер бесконечно говнился: никакого смысла в изучении древних черепков он не видел, потому что прошлое изменить было невозможно. Да кому вообще в жизни могут пригодиться знания о событиях тысячелетней давности!.. Пух, в принципе, с таким взглядом на исторический процесс был согласен, но из вредности решил поспорить.

– Никогда не знаешь, что в жизни пригодится, Витя! Вот представь себя через десять лет...

– А что тут представлять? – искренне удивился Крюгер. – Через десять лет я буду, понял, самым лютым бригадиром, весь город, короче, держать буду. И женюсь еще! На блон-

динке, понял, как типа Аллочка. Иначе не варик!

Пуха вдруг захлестнуло необъяснимое бешенство.

– Да нужен ты ей! Алла на тебя и не посмотрит даже!

– И почему это, интересно, а? – угрожающе поинтересовался Витя.

Аркаша уже набрал воздуха в грудь, чтобы сказать какую-нибудь гадость, как в класс вошла Ольга Васильевна. Историчку явно распирало какое-то новое знание – впалые щеки горели, из прически выбилась прядь.

– Внимание, мальчики и девочки! У меня для вас есть важная информация!

– Истории не будет? – крикнул Костя Каратист.

– Не дождешься, Ким. История очень даже будет – а вот после урока я расскажу вам кое-что крайне интересное!

Снова началась бесконечная сага о Танаисе – на взгляд Пуха, даже по меркам древней истории чрезмерно запутанная и нелогичная.

– Как мы знаем, ребята, в 237 году нашей эры Танаис был разрушен племенами готов. Однако сарматы заново отстроили это поселение, быстро вернув ему статус торговой и сельскохозяйственной столицы Приазовья. Такое положение вещей сохранялось до середины IV века, когда Танаис снова опустел...

– Почему? – вдруг перебил Пух.

– А теперь, Худородов, задай вопрос учителю как положено.

Аркаша закатил глаза и поднял руку. Историчка секунд десять безучастно его разглядывала, закрепляя педагогический эффект, после чего кивнула.

– Да, Аркадий?

– Почему Танаис снова опустел? Никаких варваров ведь в это время уже не было? А вы говорите, что город был то столицей, то центром... Значит, там всё было хорошо? Почему каждый раз такая ерунда?

Ольга Васильевна назидательно ответила:

– Истории не важны незначительные детали, Худородов! Никто не может в точности знать, почему полторы тысячи лет назад произошло то или иное событие. Нам с вами, ребята, достаточно знать, что произошло, – она выделила голосом слово «что».

Вечно какие-то отмазки, недовольно подумал Пух, и открыл было рот, чтобы продолжить расспросы. Крюгер с неудовольствием покосился на друга: он рисовал в тетради кровавое батальное полотно с участием ниндзя, фашистов и огромного пиратского корабля со скелетами, – внимание исторички ему нужно было меньше всего.

– Но даже тогда история Танаиса только начиналась, – продолжила Ольга Васильевна. – Через пять сотен лет на его руинах (опять руины, мысленно заметил Пух) выстроили свою крепость эмииссары венецианских дождей; их, в свою очередь, прогнали генуэзцы. В 1395 году город был полностью уничтожен Тамерланом: он приказал перемолоть все

камни, из которых был построен Танаис, в пыль.

«Нихрена себе», – выпучил глаза Аркаша; оказывается, неподалеку от места, где они сейчас сидели, несколько тысяч лет продолжалась какая-то бесконечная мясорубка.

– В 1475 году османы возвели крепость ровно на том же самом месте, где стоял античный Танаис. Эту крепость последовательно захватывали донские и запорожские казаки, снова отбивали турки, после кровопролитных боев ее занимали войска Российской империи.

«Нихрена себе», – повторил про себя Пух. Вместо скучной истории пыльного городка в Ростовской области перед его мысленным взором разворачивалось натуральное темное фэнтези, словно бы написанное вторым по степени величия писателем современности – Гленом Куком. Оба романа Кука, принесенные папой с книжного рынка у бассейна «Волна», Аркаша перечитал раз по шесть – приключения лекаря Каркуна, война Черного отряда со злейшей колдуньей Леди, происки мага Доминатора с каждым разом становились только интереснее.

Впечатлился историей родного края, впрочем, только он. Крюгер рисовал своих ниндзя, остальные ерзали, шептались и пытались понять, сколько времени осталось до звонка – наручные часы в классе были только у Аллочки, а спрашивать ее было бесполезно. Зато на свои часы взглянула Ольга Васильевна.

– Так, восьмой «А»! – историчка снова приободрилась. –

Как я и обещала, важное объявление! Послезавтра, в пятницу, мы с вами отправляемся на выездной урок истории – незабываемую экскурсию в Танаис! Прошу всех предупредить родителей и иметь в виду, что мы с вами, ребята, едем не на курорт – к прогулам и опозданиям отношение будет соответствующее.

– Ага, конечно, – саркастическая ремарка Крюгера потонула в радостных воплях и галдеже.

Историчка не закончила.

– Ти-ши-на! Тихо! Восьмой «А»! В Танаис нас доставит речное судно, поэтому запишите на листочках: сбор состоится в восемь утра на набережной, у гостиницы «Якорь». Всё поняли?

– Да ну, короче, в такую рань, – ныл Крюгер, в последние месяцы спавший по три-четыре часа и просыпавшийся затемно. – Еще на корыте этом, проблюемся там все, понял. Не поеду я никуда.

Пух не выдержал и хихикнул.

– Витя, что ты несешь! Ничего мы не проблюемся! Давай, хоть на катере покатаемся. Поедешь?

– Ладно, понял, хрен с ним, – дернул плечом Крюгер. – Надо ж за вами, дебилами, присматривать. Уболтал, короче, поеду.

Танаис

350 год

Оно тяжело ворочалось, пытаясь очнуться от непривычно долгого сна. После его движений земля снова напивалась кровью на десятки метров в глубину.

Оно чувствовало всполохи разумов наверху.

Оно не могло проснуться.

Наверху его присутствие тоже ощущали. Дети рождались, смеясь. Слабые разумы угасали, погружаясь во тьму. Сильные разумы слабели, отравленные его подземным сном.

Снова полилась кровь, неспособная его пробудить. Последовала долгая тишина. Потом – стук молотков по камням, звуки строительства. Голоса, радостные выкрики. Осторожные, с оглядкой, шепоты у костров.

Цикл начался снова.

Оно спало.

Этой ночью у Шварца были личные дела.

В бригаде творились непонятки, в которые он решил не лезть – да ему, отморозку, и не позволили бы; не его ума дело. Свободных вечеров в результате стало много; он не знал, чем себя занять, от скуки ввязался в пионерские мутки, которые закончились хер знает чем. Никто ничему не научился. Уважения у недоделков не прибавилось.

Ну, ничего. Ничего. Никуда не денутся. Толя Шварц-неггер славился своей настойчивостью в достижении цели.

Под ногами шуршали первые опавшие листья, но ночь была теплой, жаркой даже; Шварц успел пожалеть, что перед выходом из дома напялил кожан. С другой стороны, в таком деле, как свидание, без кожана было никак нельзя – Толина невеста ни на минуту не должна была забывать, что он нормальный пацан при делах, а не какой-нибудь чухнарь. Он хмыкнул и непроизвольно облизнул губы, предвкушая встречу.

Невеста жила неподалеку, на улице Семашко. С этим делом Шварц подгадал специально: он предпочитал не покидать район в одиночку и без крайней необходимости; переться в потемках куда-нибудь на Северный или тем более в Нахичевань вариков не было – членов бригады Фармацевта там не любили, плюс многие ненавидели конкретно его. Им бы-

ло, за что.

Он пересек освещенный двумя желтыми фонарями двор, выбросил сигарету и дернул дверь подъезда. Пальцы непривычно подрагивали, низ живота подкручивало от скорого свидания с невестой. По спине тек ручеек пота. Он поднялся на два пролета и властно позвонил в нужную дверь.

– Кто? – донесся из квартиры мужской голос.

– Аня дома? – отозвался Шварц.

Послышалась какая-то возня. Владелец голоса ушел вглубь квартиры и глухо там забубнил – в ответ донесся недовольный девичий голос. Невеста была дома! Где ж ей еще быть, одернул себя Шварц. Не шкура ведь какая-то, чтобы по ночам шлаться.

Аня Устинова, десятиклассница из близлежащей пятидесятой школы, раздраженно открыла дверь.

Вместо тоже Ани, но Карамовой, которая должна была принести ей списать домашку по тригонометрии, из проема щерился незнакомый мужчина с раскрошенным носом.

– Па... – начала было невеста, захлопывая дверь.

Свидание начиналось. Шварц привычным движением просунул в проем ногу и ухватился за дверь, не позволяя ей закрыться. Хватка у него была железная – спасибо качалке. Четырнадцатилетняя девочка отскочила в коридор, инстинктивно запахиваясь в халат. Шварц чмокнул в ее сторону губами.

Из глубины квартиры выскочил папаша, но волноваться

было не о чем: проследив за идущей из школы невестой, Шварц подолгу тусил в ее дворе, выясняя важные нюансы. Был ли у невесты старший брат? Не было – или он не жил на районе. Не работает ли папаша в мусарне? Нет – Анин отец возвращался домой в одно и то же время, в шестом часу вечера, и носил лоховскую шляпу и перемазанные чернилами нарукавники. Бухгалтер или еще какая-то мышь. («Мыша», с ударением на первый слог, как про себя произносил это слово Толя Шварценеггер.) Не жили ли в квартире невесты еще какие-нибудь люди, способные помешать свиданию? Нет – только жирная медузообразная мамаша, которой уже несколько дней не было видно: наверное, уехала к родственникам в какие-нибудь ебеня. Всё было продумано и отработано – Аня была далеко не первой его невестой.

– Че ты, слышишь, пойдем погуляем? – сказал он девочке, не обращая внимания на бухтение бухгалтера, нервно подтягивавшего свои треники в разумном отдалении.

– Я не... Вы кто?

Низ живота снова свело: Шварц обожал момент, когда невеста умом еще не понимает, что ее ждет, но уже начинает об этом догадываться на каком-то глубинном, животном уровне.

– Да нормально всё, слышишь, не выебывайся!

Он шагнул в квартиру и схватил парализованную шоком Аню за руку.

– Позвольте! Что вы о себе возомни!..

Папаше хватило одного короткого прямого – он упал на спину, размазывая кровищу по сломанному носу. Невеста завизжала.

– Рот закрой, – рыкнул Шварц.

Аня в ужасе замолчала.

– Ща пойдем, – успокоил гость. Не отпуская ее руки, он пнул бухгалтера в рёбра, нагнулся к нему и прошипел: – Будешь рыпаться – я завтра не один приду, пацанов возьму. А если в мусарню стукнешь, то пиздец тебе вообще. Тихо будь. Не ссы, Капустин, поедем и отпустим!

Аня задергалась в его железной хватке, но Шварц влепил ей легкую пощечину и толкнул обмякшую девочку в сторону открытой двери.

– Я люблю его как мужчину! Ты понял, Натан? Борис Николаевич Ельцин – спаситель России! Не перебивай меня! Только он способен вытащить страну из болота. И если для этого нужно растоптать последние гнилые корешки Софьи Власьевны, то так тому и быть!

Пух поморщился – мамин монолог слышал весь подъезд. Кто такая Софья Власьевна и кому помешали ее корешки, было понятно не очень, но общий контекст родительских перепалок не менялся уже вторую неделю. Мама была на стороне Ельцина, «поправшего Конституцию» (так это называл профессор Худородов в те редкие моменты, когда ему удалось вставить слово); папа симпатизировал Руцкому – последний шевелил на телеэкране аккуратными усами и кричал, что антинародный режим вот-вот ввергнет Россию в гражданскую войну. Грызня по этому поводу прекращалась только тогда, когда по телевизору показывали съезд народных депутатов или экстренные выпуски новостей, но вскоре после их окончания вспыхивала с новой силой. Пух начинал понимать Крюгера – возвращаться домой из школы становилось всё невыносимее.

Он скрежетнул ключом в замке и вошел в прихожую под аккомпанемент маминого ора:

– Так что да, Натан, я люблю его как мужчину!

Воспользовавшись паузой, папа сказал нехарактерным для себя брюзгливым голосом:

– Софа, я прекрасно отдаю себе отчет, почему ты считаешь нужным говорить со мной о своих политических заблуждениях именно в таких в-выражениях. Тем не менее, для меня загадка, почему твоя затянувшаяся менопауза означает, что какому-то алкашу позволено вытирать 3-зad-ницу Конституцией!

Только легкое заикание давало понять, в каком бешенстве находился профессор.

– Кхм-кхм, – отдельно сказал Аркаша, преувеличенно громко выковыриваясь из кроссовок.

– А-а-адну минуточку! – пошла мама на новый заход. То, что никто не обратил внимания на возвращение Пуха из школы, было делом несслыханным. – Это вот так мы теперь позволяем себе разговаривать в этом доме, да, Натан?!

– Привет, мам! Привет, пап! – фальшиво чирикнул Аркаша, заходя в комнату.

Но нет, и это не сработало. Ни «как твой день в школе?». Ни «что нового ты сегодня узнал на уроках?». Ни, в конце концов, «сегодня на обед твои любимые сосиски». Никаким обедом, к слову сказать, дома вовсе не пахло – в последние несколько дней Софья Николаевна была, по ее собственным словам, «слишком взволнована, чтобы готовить», поэтому Худородовы питались бутербродами, консервированной баклажанной икрой и не менее консервированной киль-

кой в томатном соусе.

Натан Борисович сидел на диване с прямой спиной – безупречный седой пробор, отглаженная домашняя пижама, стёкла овальных очков отражают заглядывающее в окно закатное солнце. Пальцы профессора едва заметно подрагивали, лоб прорезала вертикальная мимическая морщина, правая ступня отбивала по паркету едва слышный ритм. Папа был в абсолютной, бескрайней ярости.

– По существу тебе, конечно, нечего возразить? – продолжала мама. – Эту, с позволения сказать, Конституцию писали сталинские мясники! Долг каждого демократа, нет, каждого разумного человека – приложить максимум усилий к тому, чтобы разобрать ее на части и вышвырнуть на свалку истории! Иначе эта страна не выживет, ты понимаешь, Натан?! Нет, ты не понимаешь! И пока ты не поймешь, я буду продолжать объяснять это тебе в тех выражениях, которые сочту необходимыми!

Натан Борисович молча закатил глаза, на что мама театрально рассмеялась.

– Конечно-конечно! Продолжай демонстрировать свое ослиное упрямство! Интересно даже, куда оно тебя заведет. Не удивлюсь, Натан, если ты начнешь поднимать на меня руку!

– Софа! Да что ты такое говоришь! – папа в гневе вскочил с дивана.

Мама, будто только этого и ждавшая, отшатнулась и за-

кричала:

– Вот! Во-о-от! Об этом я и говорю! Посмотри на себя, Натан! Ты превращаешься в быдло, в отбросы общества вроде этих ужасных Сухомлиных!

Сухомлин была фамилия Крюгера.

Всё, хватит.

Пух, которого душили одновременно злорадство и грусть, развернулся и пошел на кухню сделать себе бутерброд.

Мама и сама, кажется, опешила от своих слов. Она ринулась следом за ним на кухню, ненатурально воркуя и с пулеметной скоростью выпаливая все полагающиеся вопросы про день в школе; Аркаша, не поднимая на мать глаз, вынул из хлебницы булочку, завернул ее в салфетку и, обогнув Софью Николаевну по широкой дуге, отправился в свою комнату. Он закрыл за собой дверь, откусил от булочки и, не чувствуя вкуса, начал жевать, глядя невидящим взглядом в окно.

В дверь деликатно постучали. Пух набрал в грудь воздуха и уже собирался было выкрикнуть что-нибудь недопустимое, но в последний момент взял себя в руки и срывающимся голосом сказал:

– Мам, давай потом поговорим?

– Это папа. Я могу войти?

С папой, честно говоря, Аркаше разговаривать тоже не хотелось.

– Да, пап, конечно. Заходи.

Профессор Худородов зашел в комнату как-то неуверенно, боком, – видно было, что ему стыдно и за мамины слова, и за свою на них реакцию. Точнее, ее отсутствие.

– Аркадий, я хотел только, кхм-кхм, поинтересоваться, имеются ли некие ситуации, о которых... мне необходимо знать. Как я слышал, в школе или около нее несколько дней назад случилась драка, и, если бы кто-то смог предоставить мне, эм-м, информацию...

Такое косноязычие для уважаемого профессора было нехарактерно, а поднятая им тема выглядела откровенно опасной. Пух принял два решения: а) поскорее сменить тему; б) выяснить, кто, когда и что конкретно рассказал родителям о ситуации, которую он вслед за Крюгером мысленно называл «Замес с Сисей».

– Ой, пап, чуть не забыл: мы с классом в пятницу едем на экскурсию в Танаис. Ольга Васильевна сказала отпроситься у родителей.

– О, разумеется! Это должна быть интереснейшая экскурсия! Танаис – один из древнейших и, я бы сказал, таинственнейших археологических памятников России, если не всей Евразии, – к профессору Худородову быстренько вернулось красноречие. – В течение нескольких тысячелетий этот город и его окрестности были ареной боевых действий. Танаис последовательно населяли древние греки, племена кочевников, сарматы...

Натан Борисович в сжатой форме и гораздо более уверен-

но повторил всё то, что Ольга Васильевна рассказывала им на нескольких последних уроках истории. Пух, несмотря на физическую и умственную усталость, решил попытаться с вопросами, на которые историчка ничего внятного ответить не смогла. В конце концов, это лучше, чем врать папе на вопросы о Замесе с Сисей.

– Слушай, пап, но ведь это всё как-то необычно?

– Что именно? Видишь ли, античная история...

– Не является точной наукой, – перебил Аркаша. – Но всё равно, почему они все так грызлись из-за какого-то Танаиса? Его же разрушали и отстраивали раз шесть!

– И это только исторически достоверная информация, подтвержденная документами и раскопками! – профессор Худородов с энтузиазмом закивал. Его глаза характерно заблестели – как и рассчитывал Пух, папе необходимо было переключиться с семейного и конституционного кризисов на что-нибудь более привычное. – Должен сказать, что, во-первых, эти обстоятельства действительно необычны даже для относительно важного в стратегическом отношении поселения; а во-вторых, здесь мы с тобой вступаем на скользкую дорожку предположений и даже спекуляций...

– Ничего она не скользкая, – улыбнулся Аркаша. – Нормальная дорожка!

– Для меня – скользкая! Однако позволь выдвинуть несколько предположений в рамках нашей научной дискуссии. Представляется, что одной из причин такой историче-

ской судьбы Танаиса могло быть, например, наличие в регионе некоего ресурса, достоверные сведения о котором до наших дней не дошли. Принимается?

Пух вяло кивнул. Он уже пожалел, что завел эту беседу, – на дополнительный урок истории расчета не было.

– Превосходно. Вторая гипотеза: допустим, что с калейдоскопической скоростью сменяющие друг друга цивилизации оставили в районе Танаиса множество захоронений – возможно, современники считали это место своего рода Эль-дорадо Приазовья. Третье предположение: рассмотрим возможность...

Профессора Худородова продолжало нести по скользкой дорожке спекуляций. Он даже перестал утруждать себя периодическими вопросами к Пуху – ответ на вопрос сына привычным образом превратился в монолог. Точнее, как выразился бы сам Натан Борисович, внутренний диалог.

Наконец, Пух не выдержал.

– Пап, ну это скукота!

– О? – профессор вскинул седые брови. – Что же, по-твоему, не было бы скукотищей в рамках ответа на интересующий нас вопрос?

– Ну, не знаю. Может, там замешан какой-то древний демон, – сказал Аркаша от балды, украдкой косясь в сторону шкафчика с носками. – И он столетиями заманивал жертв. Или что-то такое.

Про демона Пух вычитал в сборнике фантастических рас-

сказов «Фантаkrim-ЭКСТРА», купленном в киоске «Союз-печать» на углу Буденновского и Черепихина. Ляпнул он наугад, чтобы сбить папу с толку и поскорее прекратить научный симпозиум.

– Любопытно... – профессор помолчал, что-то вспоминая. – Ты знаешь, Аркадий, дошедшие до нас образцы письменности сарматов и в самом деле упоминают о...

– Натан! Скорее! По телевизору срочные новости! – добежав из гостиной панический вопль Софьи Николаевны.

Постперестроечные «экстренные сообщения» не сулили ничего хорошего. После фальстарта с американскими ракетами Пух больше не паниковал, но всё равно внутренне напрягся – он понимал, что в стране и без помощи натовских разжигателей войны могла в любую минуту случиться опасная Взрослая Хренотень.

Натан Борисович осекся, пробормотал себе под нос что-то подозрительно похожее на «какого хера», вскочил и выбежал из комнаты. Пух собирался было рвануть следом, но услышал мамин крик:

– Полюбуйся, Натан! Нет, ты только посмотри! Твой любимый Руцкой только что приостановил полномочия президента посредством своего марионеточного Верховного совета! А я тебе говорила! Эта фашистская сволочь теперь де-факто является президентом России! Нам нужно бежать из страны, Натан!..

А, вон оно что. Пух выдохнул и отправился к ящику с нос-

ками, не удосужившись даже подпереть дверь. В ближайшие несколько часов родители уж точно не вспомнят о его существовании.

В дверь кто-то скребся.

Новенький вскочил со своей раскладушки – сна как не было, комок в горле, трясущиеся от страха руки. Ничего хорошего не могло случиться в темные предрассветные часы – особенно на Нахаловке, особенно в пятницу, особенно если за тобой охотится Шварц со своими ручными гопниками.

Машка издала сонный кошачий звук – «мр-р-рау?». Степа шикнул на нее и заметался по комнате. Что делать, он не знал. Звонить в милицию? Домашнего телефона у них не было, а ближайший автомат находился на 8-й линии у винно-водочного магазина – и, скорее всего, был с корнем выдеран из будки клиентурой последнего. Ба, к счастью, спала – в последнее время она почти не вставала с кровати и уж точно не слышала ночных стуков и Степиной суеты.

Новенький бегал кругами, шипя ругательства. Идиот!.. Как можно быть таким дебилом?! Как можно было решить, что эта нечисть из Немецкого дома вот так просто возьмет и от него отстанет?.. Надо было пробраться ночью к Быку и украсть один из многочисленных стволов, о которых говорила Людка! Причем лучше сразу АК-47!

Звуки снаружи стихли.

Дверная ручка начала поворачиваться.

Степа выдохнул, сжал кулаки и шепотом крикнул:

– Я звоню в милицию!

– Ебанулся, что ли? Какая милиция? Пусти уже меня, понял.

Крюгер!.. Степа завозился с замком, снова шипя ругательства – но теперь с облегчением. На пороге и в самом деле стоял Витя; выглядел он так, словно три ночи не спал, но не хотел, чтобы об этом кто-то догадался. Крюгер нервно почесался, спрятал зевок и вместо приветствия сказал, словно бы продолжая начатый разговор:

– К тому же, у вас в вашей сраной норе никакого телефона по-любому нет.

– Витя, чего тебе надо?! Три часа ночи!

– Уже, понял, полпятого, так что не манди. Мы ж сегодня прем на эту идиотскую экскурсию в жопу мира, так что это, можем вместе двинуть, – за обычной Витиной бравадой сквозило что-то, подозрительно похожее на смущение. – Хотя, по ходу, реально рано еще. Ладно, давай, Новый, двину я.

Он резко развернулся и рванул в непроглядный мрак 5-й линии – не напоказ, как обычно с Пухом, а по-настоящему. Если бы Новенький обладал супер-зрением (или хотя бы прибором ночного видения, один из которых тоже был заперт у Быка в подвале всего в нескольких метрах от места, где Степа сейчас стоял), он увидел бы, что губы у Крюгера дрожат, а кулаки сжаты с такой силой, что ногти впиваются в ладони.

– Стой! Ви... Крюгер, ты чего? – Новенький вспомнил,

что по какой-то непонятной причине его друг ненавидел собственное имя и отдельно ненавидел все его сокращения и уменьшительно-ласкательные производные. – Что случилось? Опять Сися и этот, как его, второй?..

Крюгер остановился и, не поворачиваясь, дернул плечом.

– Да срал я на него в три слоя, понял. И не таких ушатывал, – он все-таки повернулся и продолжил на тон выше. – У меня там, понял, семейные дела. А тебе не насрать вообще?! Хули ты доебался?

Он вдруг взорвался бешенством: оскаленные зубы, дико сверкающие за стеклами очков белки глаз...

У тебя хотя бы есть семья, подумал Степа. Вслух он сказал:

– Да нет, ты прав. Не буду лезть не в свои дела. Заходи, я не спал всё равно.

– Не пизди, – пронизательно заметил Крюгер, чья ярость испарилась с такой же скоростью, с какой только что вырвалась наружу. – Но ладно, что с тобой делать, зайду. Чай есть? Я, понял, позавтракать не успел, дела были, а мне еще с тобой тут два часа отмораживаться.

– Найдем, – ответил Новенький. Чай у них с бабушкой, действительно, каким-то чудом был. – Слушай, ты аккуратнее, а то там...

Металлический лязг и вопль Крюгера слились в единую симфонию.

– Блять, Новый! У тебя что, капкан там?! С-с-сука...

Витя шипел и корчился от боли, одновременно хватаясь за одну ногу и пытаясь второй пнуть железку, на которую он напоролся на пороге. Степа испугался, что вся эта чехарда разбудит бабушку, метнулся в комнату, схватил с табуретки коробок и зажег спичку – Баба Галя спала. Вместо облегчения Новенький вдруг испытал горечь, но долго предаваться ей времени не было – надо было успокаивать ревущего на всю улицу друга.

– Ну прости! Вить, прости! Не ори! Это старая кочерга, она тут давно валяется, я всё забываю выкинуть, а бабушка не выходит из дома, поэтому...

– Да заткнись ты уже!.. Блять, больно-то как! Какая, в сраку, кочерга?! У вас что тут, печь? И прялка с этим, как его, коромыслом?

– Да какое коромысло, просто...

– У меня, по ходу, кровь течет.

– Дай посмотрю.

Степа зажег новую спичку и наклонился, чтобы лучше видеть. Крюгер закатил штанину своих грязно-зеленого цвета брюк и продемонстрировал свежую и довольно глубокую царапину на щиколотке. Новенький присвистнул.

– Вить, ну я ж не знал, что ты так со всей дури...

– Слушай, Новый, завязывай причитать, – настроение Крюгера снова сменилось на противоположное. – Поцарапался слёгона, а ты воешь как баба. Настоящему ниндзя всё похуй!

Он резко выпрямился и рванул закатанную ранее штанину вниз.

Спичка погасла.

В темноте на землю упала крохотная капелька Витиной крови.

Набережная Дона этим утром была непривычно многолюдной: стайки школьников, собирающихся на экскурсию, родители, пришедшие провожать некоторых из них; стоящие в отдалении учителя. Пахло рекой, землей и соляркой; было по-прежнему непривычно жарко – как в раскаленном южном июле, а не в умиротворенном сентябре. Учителя пожимали плечами – мол, бабье лето. Смысла этого выражения Крюгер не понимал и всегда бесился, когда его слышал.

(А вот мама Крюгера это выражение прекрасно понимала.)

– Вот говно!

Новенький, мало что соображавший после почти бессонной ночи, разглядывал последствия столкновения Крюгера с кочергой. Витя яростно чесал рану, окропляя кровью свой заношенный кроссовок.

– Сраное говно, – повторно прошипел Крюгер. – Там, по ходу, грязь или ржавчина была, понял. Разбросали свои грабли ебучие!..

– Витя, в сотысячный раз – извини! Я должен был тебя предупредить, просто, ну, испугался... – начал было Степа и быстро осекся; ему надоело извиняться.

Они стояли в тени гостиницы «Якорь» – здания, исполненного в стилистике «безумный позднесоветский кон-

структивизм». На якорь сооружение было похоже мало – скорее, на три перевернутых зиккурата, поставленных друг на друга. В гостинице много лет никто не жил, зато располагались разные мутноватые учреждения вроде турфирм (кому взбредет в голову переться за путевкой на набережную?) и адвокатских контор (тем более). На первом этаже «Якоря» находился боулинг-холл, который так и назывался – «Боулинг-холл», излюбленное место ночного движа соратников Фармацевта. По-трезвому никто из них никогда в боулинг не играл.

– С добрым утром, – хмуро сказал подошедший Пух. Этой ночью он тоже почти не спал: родительские препирательства о судьбах России затянулись далеко за полночь; профессор Худородов при этом почти всё время молчал, а мама разговаривала таким громким (и противным, с неудовольствием признал Пух) голосом, что он до сих пор звенел у Аркаши в ушах. – А что с ногой?

Крюгер молча отмахнулся, не переставая чесаться.

Донесся рев «девятки» – даже с глушителем машина издавала характерный дребезжащий звук. Все обернулись. Похожий на зубило автомобиль темно-серого цвета (так на заводе ВАЗ представляли себе мокрый асфальт) по-жигански, с визгом тормозов припарковался у бордюра, после чего с пассажирского сиденья выбрался недовольный и смущенный Шаман. Он кивнул водителю, угадывающемуся за дымчатыми стеклами, и зашагал к друзьям. Всё это время из недр

«девятки» оглушительно ревела песня Мистера Малого «Буду погибать молодым», необъяснимо популярная этой осенью среди бандитов и тех, кто себя таковыми считал. (Это были абсолютно разные, зачастую противоположные общности людей.)

– Репино! Ольгино! Стаф разводи, фирма не бомби! – орал из динамиков ломкий молодой голос. – Узи маузер! Буду погибать молодым! Буду погибать молодым!

«Девятка» рванула с места, развернулась через две сплошные и унеслась по направлению к Центральному рынку.

– Ненавижу эту песню, – выдохнул Новенький.

– Это потому, что ты лох, – объяснил Крюгер, прекратил чесаться и помахал Шаману окровавленной ладонью. – Чек-как, братуха?

Шаман неопределенно пожал плечами, не встречаясь ни с кем взглядом. Без улыбки и с опущенными плечами он выглядел странно и почти неузнаваемо – как изображение на фото пленке до момента, когда ее опускают в проявитель.

– Привет. Идти куда?

Крюгер начал путано объяснять логику путешествия, но Саша, кажется, не слушал – он невпопад кивал и отвлекался на приветствия проходящим мимо одноклассникам.

– ...короче, понял, там минут сорок всего плыть, а потом Васильевна поведет нас на какое-то, по ходу, древнее кладбище. Не по курсам, что мы там будем делать, но потом, понял, будет свободное время, которое нам не понадобится, по-

тому что Танаис – это срака мира, там даже сникерс негде купить...

Шаман кивнул кому-то за спиной разглагольствующего Крюгера, улыбнулся (не как обычно, а со сжатыми губами) и пошел в сторону плакучей ивы, под которой сидела на траве стайка одноклассниц. Витя обиженно осекся на полуслове. Пух прищурился, всмотрелся и неожиданно для себя покрылся ледяными мурашками – Шаману из-под ивы махала Аллочка. Более того: блондинка вскочила на ноги, подлетела к Шаману и, не обращая внимания на выпученные глаза одноклассников, встала на цыпочки и поцеловала его в щеку!

– Откуда они вообще друг друга... – начал Пух.

– Да вот не насрать тебе, – рывкнул обиженный безразличием своего недавнего спасителя Крюгер. – Всё равно она, понял, овца тупорылая.

Пух кинулся на друга с кулаками, поскользнулся на влажной от росы траве, споткнулся и грохнулся прямо на осколки бутылки, – всё это заняло меньше секунды.

– Аркаша, ты чего?! Вставай! – закричал Новенький.

Крюгер, так и не успевший понять, что сейчас (чуть не) произошло, кинулся поднимать воющего Пуха с газона. Аркашина ладонь была рассечена в нескольких местах, из порезов сочилась кровь. Крюгер присел на корточки, чтобы оценить масштаб трагедии.

– Да ладно, Пухан, че ты распищался? Две царапинки, тьфу. Вон, зырь, я у Нового на грабли утром напоролся –

кровища, понял, до сих пор хлещет!

– Это была кочерга, и я уже сто раз извинился! – прошипел Новенький, на которого никто не обратил внимания. Пух продолжал причитать.

Крюгер покосился в сторону причала, неподалеку от которого кучковались учителя, рывком поставил Пуха на ноги и быстро сказал:

– Завязывай нить, понял? Щас Васильевна услышит и отправит тебя домой к свиньям собачьим, обосрешь нам всем экскурсию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.